

Карл Маркс

ИСТОРИЯ

Das Kapital

КАПИТАЛ

Полная версия

И С Т О Р И Я В О Д Н О М Т О М Е

УДК 330.1
ББК 65.02
М27

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

АВТОРЫ-СОСТАВИТЕЛИ:

С.Н. Полторак, д-р истор. наук, профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, главный редактор ежемесячного журнала для ученых «Клио»);

К.Н. Ермолаев, д-р эконом. наук, профессор (Самарский государственный экономический университет);

Г.М. Ипполитов, д-р истор. наук, профессор (Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики);

Т.В. Филатов, д-р философ. наук, профессор (Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики)

Маркс, Карл.

М27 **Капитал. Полная версия / К. Маркс.** — Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2020. — 960 с.

ISBN 978-5-17-105702-2 (Вся история в одном томе)

ISBN 978-5-17-121379-4 (История в одном томе)

«Капитал» — главный труд немецкого философа Карла Маркса, классика политической экономии, в котором рассматриваются истоки, развитие и внутренняя работа капиталистической системы.

Данное издание представляет собой собрание отдельных глав, фрагментов и сюжетов из уникального труда выдающегося мыслителя в истории человечества. При составлении особое внимание было уделено тем материалам, которые в конкретно-исторической обстановке современности не просто не потеряли актуальности, но еще и более актуализировались.

Книга, безусловно, будет полезна тем, кто делает первые шаги в познании экономической теории марксизма, а также тем, кто интересуется наследием классиков политической экономии, и широкой читательской аудитории.

**УДК 330.1
ББК 65.02**

ISBN 978-5-17-105702-2
(Вся история в одном томе)

ISBN 978-5-17-121379-4
(История в одном томе)

© С.Н. Полторак, составление,
2020

© Оформление. ООО «Издательство
АСТ», 2020

«КАПИТАЛ» КАК КАПИТАЛЬНЫЙ НЕСТАРЕЮЩИЙ ТРУД. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТВОРЕНИИ К. МАРКСА

Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса.

В.И. Ленин¹.

Увеличение концентрации богатства, быстрое сокращение числа мелких и средних предприятий, постепенное уменьшение конкуренции, непрерывный технический прогресс, сопровождающийся увеличением роли основного капитала, и, что, не менее важно, не уменьшающаяся амплитуда регулярно повторяющихся деловых циклов — выдающийся ряд сбывшихся прогнозов, которым современная экономическая наука со всем ее сложным аппаратом противопоставить ничего не может

В. Леонтьев².

КАРЛ МАРКС... ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС...

В советский период отечественной истории имена этих выдающихся немецких мыслителей произносили с почтением и сопровождением всевозможных эпитетов и метафор в превосходной степени. А на официальных мероприятиях даже с придыханием. Порою, правда, сымитированным.

Но, как говорится, иные времена — иные песни. В период перестройки зародились, а в лихие девяностые постсоветские годы расцвели пышным цветом те, кто решили «выкинуть К.Маркса, Ф. Энгельса «на свалку истории». Разумеется, вместе с их учением. Причем это звучало иногда на официальном уровне.

Постановили. Сделали. Но не учли старой как мир истины: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». И оказались ярые антимарксисты похожими на музыкантов, бодро занявших места в оркестровой яме и к ужасу обнаруживших, что забыли ноты...

Между тем, приходится констатировать, что в начале 20-х годов ХХI века имя Карла Генриха Маркса³, который создал, вместе

¹ Ленин В.И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 26. С. 61.

² Леонтьев В. Современное значение экономической теории К. Маркса // Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990. С. 110.

³ Маркс, Карл Генрих (1818–1883) — немецкий философ, экономист, общественный деятель. Им были разработаны принципы материалистического понимания истории (исторический материализм), теория прибавочной стоимости, проанализировано развитие капитализма и выдвинуто положение о неизбежности его гибели и перехода к коммунизму в результате пролетарской революции. Представляя человеческую историю как борьбу общественных групп, К. Маркс пришел к выводу о том, что эволюция производительных сил буржуазного общества сопровождается противоречивым процессом роста богатства немногих и обнищанием пролетарского большинства. Революция последнего, по мнению мыслителя, будет впервые в истории революцией

с Фридрихом Энгельсом⁴, другом, единомышленником и соавтором, несколько научных теорий, ставших поистине революционными для своего времени — теорию прибавочной стоимости, принципы материализма, теорию классовой борьбы, — сегодня снова на слуху. И не просто на слуху.

Имя Карла Маркса, впрочем, как и Ф.Энгельса, находится в сфере острых научных дискуссий. Причем дискуссий, переходящих порой в полемику, где научно обоснованная критика, осмысление и переосмысление уникального наследия уникального мыслителя превращаются в две диаметрально противоположности: 1) ничем не прикрытая апологетика марксизма в духе советской социально-гуманитарной научной традиции⁵, получившей, кстати, некоторое развитие и в современности⁶; 2) псевдолиберальные «ниспровержения», больше напоминающие возню липицуттов вокруг Гулливера⁷.

Подобное положение свидетельствует о том, что марксистские научные изыскания не потеряли актуальности и в наши дни. Разумеется, не во всем, что выглядит, собственно говоря, закономерным. Они вытерпели в лихие девяностые нападки тех, кто мечтал «выкинуть марксизм на свалку истории», и снова полноправно заняли свою нишу в социально-гуманитарной мысли на современном этапе развития мировых цивилизаций.

Причем, и это представляется принципиальным подчеркнуть, тексты К. Маркса и Ф. Энгельса наконец-то начинают по-настоящему, вдумчиво *читать, осмысливать и переосмысливать* (без того догматизма, что имел место в советской социально-гуманитарной науке). Постепенно уходят в прошлое интерпретации, сводящие марксизм к жесткому экономическому или социологическому редукционизму, заостренному материализму и воинствующему атеизму. Слышится много нового и интересного.

большинства для всех, а не меньшинства ради себя самого. Воспринимая революцию «локомотивом истории», допускал и контрреволюционное, и эволюционное развитие общества.

⁴ Энгельс, Фридрих (1820–1895). — немецкий философ, политический деятель, публицист. Один из основоположников марксизма, друг и соратник К.Маркса. Ф. Энгельс оказывал помощь Марксу в работе над «Капиталом», 2-й–3-й тома которого издал сам, уже после смерти К. Маркса, проделав над ними огромную исследовательскую и редакторскую работу. Ф. Энгельс занимался обоснованием и развитием философии диалектического и исторического материализма. Он, в частности, высказал глубокие идеи о неразрывности материи и движения, о единстве пространства и времени, о неисчерпаемости форм материи и сложном строении атома, о жизни как форме движения материи, возникшей на определенной ступени развития неорганической природы, и т.д.

⁵ К.Маркс. Биография. — 2-е изд. М., 1973; Нечкина М.В. Читая Маркса... М., 1984.

⁶ Азбука марксизма. Курс лекций [Электронный ресурс.] Инициативная группа «За коммунистическое развитие в XXI веке. Из царства необходимости — в царство свободы [сайт]. URL: communism21.org/books/abc (дата обращения: 26.11.2019).

⁷ Бубнов В.А. «Антимарксизм». СПб., 2000; Корягин С. Марксизм, как он есть [Электронный ресурс.] Проза. Ру [сайт]. URL: <https://www.proza.ru/2012/07/22/955> (дата обращения: 26.11.2019).

Авторы данной статьи, исходя из принципа равноудаленности как от апологетов К.Маркса и Ф. Энгельса⁸, так и от их псевдолиберальных ниспровергателей, выносят на суд общественности личностные научные суждения по поводу «Капитала».

Того самого «Капитала», ставшего воистину капитальным трудом, венцом творения К. Маркса.

Того самого «Капитала», который бы никогда не увидел свет в качестве целостного и завершенного (в основном) труда, если бы не организаторские и интеллектуальные усилия Ф. Энгельса.

Того самого «Капитала», который сегодня стали перечитывать заново в период глубокого системного кризиса, коснувшегося не только России, но и сытой Европы, и власть имущие, и бизнес творящие⁹, и тем более ученые¹⁰.

И когда мы констатируем, что «Капитал» — главный труд К. Маркса, то делаем это не для красного словца и не для продолжения советской историографической традиции (кстати, не самой лучшей)¹¹, а для соблюдения исторической правды. Ведь действительно, Карл Маркс трудился над главной книгой его жизни 40 лет, избрав предметом исследования капиталистический способ производства¹².

В это время он глубоко исследовал важнейшие проблемы политической экономии капитализма, изучал на основании многочисленных источников и материалов экономическую действительность капиталистического общества, различные отрасли общественных и естественных наук (историю техники, агрохимию, математику и др.), данные которых он использовал для более обстоятельного выяснения ряда экономических вопросов.

Проделав эту гигантскую работу, мыслитель в 1857 г. приступил непосредственно к написанию большого труда по политической экономии. Черновой вариант первой части данного труда дошел до нас в виде экономических рукописей 1857–1858 годов. В этих рукописях были подведены некоторые итоги многолетних исследований К. Маркса в области политической экономии и сформулирован ряд важных положений, развитых им позднее в его основном экономическом произведении — «Капитале».

⁸ Биографические справки о них — см. Приложение.

⁹ Объем продаж шедевра политэкономии Маркса «Капитал» постоянно увеличивается, начиная с 2008 года, как и продажи «Манифеста Коммунистической партии» и «К критике политической экономии» (более подробно см., например: *Джеффрис С.* Почему марксизм снова на подъеме. Электронная версия. 2012. 6 июля [Электронный ресурс.] ИНОСМИ.ру. Россия сегодня [сайт] URL: <https://inosmi.ru/eurore/20120706/194575698.html> (дата обращения: 26.11.2019)

¹⁰ См., например: *Кондрашев П.* Первый всемирный конгресс по марксизму в Пекине: глобальное будущее // ДИСКУРС-ПИ. 2015. № 3–4. С. 134–143.

¹¹ *Цветков П.* Великое произведение Маркса (К выходу нового издания «Капитала») // Большевик. 1950. №11. С. 28–43.

¹² *Беляева З.Н.* Как изучать 1 том «Капитала» К. Маркса. М., 1965. С. 4.

Рукописи 1857–1858 гг. показывают, что именно в это время К. Марксом были в общих чертах разработаны основы теории прибавочной стоимости — краеугольного камня марксистской политической экономии. Экономические рукописи 1857–1858 гг. явились частично тем исходным материалом, который выдающийся ученый рассчитывал переработать, дополнить и использовать при написании задуманного им обширного экономического труда. Этот труд он предполагал издавать отдельными выпусками. Первый выпуск был завершен в январе 1859 г. и вышел в свет в виде книги «К критике политической экономии»¹³.

При этом необходимо подчеркнуть, что К. Маркс применил к исследованию экономических проблем, освещаемых в его книге, в частности, к анализу товара, труда, стоимости, денег, метод материалистической диалектики. Он, к примеру, вскрывает противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью товара и показывает, что развитие этого противоречия, его распространение на отношение между товаром и деньгами представляют собой естественно-исторический процесс.

Вслед за выходом в свет книги «К критике политической экономии», то есть первого выпуска задуманной работы, К. Маркс собирался опубликовать второй выпуск, в котором он предполагал изложить проблемы капитала. Однако в ходе дальнейших экономических исследований мыслитель значительно изменил первоначальный план своего труда и временно воздержался от опубликования результатов своих исследований, занявшись дополнительным изучением ряда вопросов, которые он считал недостаточно выясненными.

Подобный новый замысел К. Маркса и нашел свое воплощение в «Капитале», первый том которого был выпущен в свет в 1867 году.

¹³ *Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 1–167.* Заметим, что этой работе предпослано знаменитое предисловие, которое представляет огромный теоретический интерес и имеет самостоятельное научное значение. Это предисловие содержит характеристику сущности открытого К. Марксом материалистического понимания истории, классическое определение самого существа исторического материализма. В предисловии Маркс дал формулировку закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил, а также важнейшего положения марксизма о том, что возникающие на определенной стадии развития классового общества противоречия между производительными силами и производственными отношениями являются главной причиной социальных революций, революционной смены одной общественно-экономической формации другой, более прогрессивной. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» (*Маркс К. К критике политической экономии. С. 7*). Вскрывая диалектический процесс взаимодействия производительных сил и производственных отношений применительно к капиталистическому обществу, К. Маркс доказывает, что оно неизбежно должно погибнуть, что буржуазные производственные отношения явятся вместе с тем последней антагонистической формой общественного процесса производства, что будущий, социалистический общественный строй будет свободен от антагонизмов классового общества.

Сам его автор считал первый том «Капитала» в известном смысле продолжением книги «К критике политической экономии». Но, несмотря на это, он счел необходимым основное содержание работы «К критике политической экономии» резюмировать в первом отделе первого тома «Капитала».

Такой ключ написания К. Маркс выбрал не только в интересах большей связности и полноты исследования, но и потому, что отдельные положения его теории товара, стоимости и денег, лишь намеченные в работе «К критике политической экономии», получили в «Капитале» свое дальнейшее развитие (например, учение о субстанции и формах стоимости, положение о товарном фетишизме и др.).

В то же время некоторые положения, обстоятельно разработанные в книге «К критике политической экономии», К. Маркс счел возможным лишь сравнительно бегло осветить в «Капитале», как это он сам отмечал в предисловии к первому тому. Поэтому с появлением «Капитала» его работа «К критике политической экономии» не утратила своего самостоятельного научного значения и по праву занимает выдающееся место среди классических произведений марксизма. Особую ценность представляют экскурсы в область истории анализа товара, истории теорий стоимости и теорий средств обращения.

Представляется важной такая констатация: разработка структуры «Капитала» представляла исключительно сложный и мучительный процесс. Но результат стоил усилий. В конце концов, К. Маркс выработал такую форму своего экономического труда, которая адекватно соответствует его содержанию¹⁴.

Известно, что «Капитал» состоит из четырех томов. Однако было бы неправильно полагать, что в первых трех томах Маркс дает только положительное изложение своей теории, тогда как предметом 4-го тома является исключительно критика буржуазной политической экономии. Доказательством этого является полное название экономического труда К. Маркса — «Капитал. Критика политической экономии». Под «критикой» выдающийся ученый, в частности, понимал преодоление буржуазной политической экономии. Это была в высшей степени конструктивная критика.

Структура «Капитала» в том виде, в каком мы имеем ее теперь, сложилась далеко не сразу. В ходе своей работы над своим экономическим трудом К. Маркс постепенно менял ее и совершенствовал, пока не пришел, наконец, к структуре, которая наилучшим образом отразила все богатейшее содержание его экономического учения. Его работа над структурой «Капитала» насчитывает несколько эта-

¹⁴ Что характерно: К. Маркс сам отмечал внутреннее совершенство своего творчества. «...В таком труде, как мой, — писал он Ф. Энгельсу в феврале 1866 г., — неизбежны недостатки в деталях. Но композиция, внутренняя связь целого представляют собой триумф немецкой науки, который вполне может признать отдельный немец, так как это никоим образом не является его заслугой, а скорее заслуга всей нации» (цит. по: *Выгодский В. С. История одного великого открытия Карла Маркса. М., 1965. С. 137–138*).

пов. Но уже в 1840-е годы он неизменно проводил разделение всего своего экономического труда на две основные части: теоретическую, где дается положительное изложение предмета, и часть, носящую «преимущественно исторический характер».

Интенсивная разработка К. Марксом структуры своего труда началась в 1857 году. Он намеревался исследовать все важнейшие стороны буржуазного общества вплоть до анализа условий его уничтожения и замены более высокой общественной формацией — коммунизмом. Раздел о капитале разбит на шесть частей, но уже через несколько страниц К. Маркс разделяет все только на три. Так, постепенно, в течение 1858–1862 гг., у него сложился состоящий из шести книг план данного экономического труда.

Первый том носит название «Процесс производства капитала». Предмет исследования первого тома — процесс накопления капитала.

Второй том, «Процесс обращения капитала», посвящен анализу движения капитала, его оборота и кругооборота.

В третьем томе, «Процесс капиталистического производства, взятый в целом», рассматривается процесс распределения прибавочной стоимости (ее превращенных форм) между получателями прибыли, процента, торговой прибыли, земельной ренты. Показан механизм трансформации стоимости товара в цену производства.

К. Маркса умер 14 марта 1883 г. Весь труд по сбору и подготовке к публикации II, который вышел в свет в 1885 г. и III (издан в 1894 г.) томов «Капитала» взял на себя его верный друг и соратник Ф. Энгельс. По-видимому, в самом деле, довольно трудно установить, какая часть приходится на его долю в произведениях К. Маркса, но, очевидно, она немаловажная. Но что касается «Капитала», несомненно и другое: эти тома — посмертные. Их содержание было извлечено Ф. Энгельсом из рукописей К. Маркса, далеко не законченных.

Четвертый том, «Теории прибавочной стоимости», содержит критический обзор экономических теорий с точки зрения трактовки существа и форм распределения прибавочной стоимости.

Следует отметить, что IV том, так же как и II и III тома «Капитала», вышли уже после смерти Маркса. Редактором IV тома стал К. Каутский¹⁵.

Все сказанное дает возможность объяснить тот факт, что, хотя критический анализ истории политической экономии необходимо должен был явиться для К. Маркса одним из исходных пунктов

¹⁵ *Каутский, Карл* (1854–1938) — немецкий экономист, историк, публицист. Один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала. Теоретик марксизма, редактор IV тома «Капитала» К. Маркса. Тем не менее, Ф. Энгельс в своем завещании отстранил Каутского от издания литературного наследия К. Маркса и своих трудов. Выступил против практики большевизма в России. С 1920-х годов он один из идеологов «демократического социализма».

в разработке его экономического учения, он вместе с тем является необходимым завершением теоретического построения, проведенного выдающимся ученым в первых трех томах его «Капитала»...

...Весенним днем 1872 г., получив в прекрасном переплете экземпляр русского перевода своего труда «Капитал», Карл Маркс был беспредельно рад. Позднее в письме Николаю Францевичу Даниельсону¹⁶ он выразил свою признательность и отметил, что работа по переводу была выполнена мастерски. Мастером этим стал Герман Александрович Лопатин¹⁷. Конечно, К. Марксу хотелось сказать слова благодарности лично, но первый переводчик «Капитала» томился в это время в Иркутском остроге, обдумывая очередной план побега¹⁸.

Заметим, что Г.А. Лопатин приступил к переводу «Капитала» в 1870 г. в Лондоне, где часто встречался с К.Марксом, который очень ценил переводчика и помогал ему своими советами. Автор «Капитала» говорил, что никто так глубоко не понимает того, что он сделал и его замыслов, как Герман Александрович. По его предложению К. Маркс внес в свой труд некоторые изменения и дополнения. Но Г.А. Лопатин не мог завершить перевод, так как он уехал в Сибирь с целью организации побега Н.Г. Чернышевского из ссылки. Побег не удался, революционера арестовали, и к работе над переводом он больше не возвращался. Работу по завершению перевода проделал

¹⁶ Даниельсон, Николай Францевич (псевдонимы — Н-он, Ник-он, Николай-он) (1844—1918) — российский общественно-политический деятель, экономист, публицист, один из теоретиков либерального народничества. Участвовал в революционных кружках 1860—1870-х гг. Был арестован (1870) по делу С. Г. Нечаева, но освобожден за недостаточностью улик. В 1872—1896 гг. перевел на русский язык I—III тома «Капитала» К. Маркса. В «Очерках нашего пореформенного общественного хозяйства» (1893) обобщил большой статистический материал по экономике России. Постепенно потерял интерес к писаниям К. Маркса, порвал связи с нигилистами, видя в них чуждые России силы.

¹⁷ Лопатин, Герман Александрович (1845—1918) — русский революционер. В 1869 году ян был арестован по делу С.Г. Нечаева, к которому не имел отношения, бежал. Эмигрировал в Париж, где вступил в I Интернационал. Первым принявшись за перевод 1-го тома «Капитала», Г.А. Лопатин приехал в Лондон и стал близким другом К. Маркса, а также был избран членом Генерального совета Интернационала. Считая, что объединить разрозненные русские революционные силы сможет лишь безусловно авторитетный лидер — Н.Г. Чернышевский, Г.А. Лопатин оставил незавершенный труд (перевод будет закончен Н.Ф. Даниельсоном и издан в 1872 году) и поехал в Россию освобождать из ссылки Н.Г. Чернышевского. В 1871 году Г.А. Лопатин был арестован в Иркутске; трижды бежал и в 1873 году оказался за границей, где занимался переводческой и литературной работой. В 1879 году, с наступлением новой революционной ситуации, он вернулся в Россию, но через 6 дней был арестован и сослан в Ташкент, потом в Вологду. В 1883 году Г.А. Лопатин бежал в Париж, затем в Лондон. В 1884 году вернулся в Россию, надеясь возродить разгромленные остатки «Народной воли». Был арестован. Приговорен к смертной казни, но помилован. Был «навечно» заключен в Шлиссельбургскую крепость. Почти 20 лет Г.А. Лопатин провел в одиночной камере и был освобожден революцией 1905 года. Будучи тяжелобольным человеком, от революционной деятельности отошел.

¹⁸ Более подробно см., например: Антонов А.Ф. Герман Лопатин. Первая полная биография первого переводчика «Капитала». Серия «Биографии выдающихся людей». Выпуск № 93, № 173. М., 2019.

Н.Ф. Даниельсон. Он сыграл большую роль в распространении трудов К. Маркса в России.

Заметим, что рабочее движение в России в то время было еще слабо развито и не представляло реальной угрозы политическому режиму самодержавия. Благодаря этому первое издание «Капитала» вышло легально. Цензура отметила, что автор — сторонник социализма, но разрешила выпустить книгу в свет. Правда, напечатать портрет К. Маркса цензура запретила, считая, что это «можно было бы принять за выражение особенного уважения к личности автора». Цензура надеялась, что из-за трудности изложения эту книгу К. Маркса никто не прочтет. Правда, впоследствии «Капитал» был включен в список запрещенных книг, распространение и хранение его строго преследовалось. Но уникальный продукт уникального мыслителя находил все новых читателей. Марксов «Капитал» широко распространялся в подпольных кружках, его часто находили при обысках у революционеров.

Затем Ф. Энгельс, по просьбе Н.Ф. Даниельсона, в несколько приемов выслал ему отпечатанные листы II тома. Это дало возможность Николаю Францевичу выпустить русский перевод II тома в год появления оригинала в печати (1885 г.). Появление II тома «Капитала» явилось крупным событием в общественно-политической жизни императорской России. Его русский перевод вначале разрешила цензура, которая не заметила в нем разрушительных социалистических идей. Однако вскоре по просьбе департамента полиции II том «Капитала» был включен в список запрещенных книг и изъят из обращения.

Русский перевод III тома «Капитала» вышел в свет в 1896 г. Цензура, еще до выхода немецкого издания III тома, интересовалась им. Отдельные листы III тома, которые Ф. Энгельс высылал Н.Ф. Даниельсону, были перехвачены цензурой, запрещавшей ввоз работ К. Маркса в Россию. Несмотря на хлопоты Н.Ф. Даниельсона выход III тома на русском языке целый год задерживался царской цензурой¹⁹.

Исторический опыт свидетельствует: «Капитал» не является каким-то узким, написанным специально для экономистов произведением. «Капитал» широк и многосторонен, одновременно являясь и экономическим, и историческим, и философским трудом. И это случилось во многом благодаря тому, что данному капитальному нестареющему труду присущи диалектика и железная логика.

При этом особенно необходимо подчеркнуть, что методологическое своеобразие главного труда Маркса в советский период уже рассматривалось в огромном количестве апологетических работ советских философов. Но «апологетический» — вовсе не значит «плохой» или «ненаучный». Конечно, альтернативный апологетическому

¹⁹ Более подробно см., например: Первый русский перевод «Капитала» Маркса и его значение в развитии рабочего движения. [Электронный ресурс.] Экономический словарь [сайт] URL: www.ekoslovar.ru/istoria002.html (дата обращения: 26.11.2019).

критический подход к теме исследования, продемонстрированный, например, К. Поппером в его антикоммунистических трудах²⁰, согласно ключевому положению методологии Р. Декарта («подвергай все сомнению»²¹), с большей вероятностью гарантирует объективность конечных выводов, но вероятность в данном случае не равнозначна достоверности.

В данной связи следует, прежде всего, указать на кандидатскую диссертацию А.А. Зиновьева «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)» (1954)²², впервые опубликованную только в 2002 году как «документ эпохи», а также на монографию Э.В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса»²³, написанную автором в 1956 году (впервые опубликована в 1960-м). Каждый из этих мыслителей оставил свой особенный, неповторимый след не только в отечественной, но и в мировой философии, так что после разработки ими соответствующей темы в середине прошлого века к ней трудно добавить что-либо качественно новое. Вместе с тем духовная ситуация времени сегодня принципиально иная, особенно в плане оценки марксистского философского наследия, где акценты сместились с апологетики даже не в плоскость критики, а в плоскость тотального отрицания в духе «патологической ненависти ко всему советскому».

По этой причине перед современным исследователем логики «Капитала» открываются новые горизонты, которые в советский период были надежно закрыты тяжелыми идеологическими шорами, что не могло не сказаться на творческой и личной судьбе упомянутых выше мыслителей, которые, на наш взгляд, наиболее глубоко постигли своеобразие методологической составляющей философского мышления К. Маркса. Во-первых, в современной России кардинально изменилось отношение к философскому наследию позитивизма, прежде всего, к позитивистской «философии науки», откровенно третировавшейся в советский период, например посредством навешивания на нее ярлыка «буржуазной». Во-вторых, о марксизме сегодня можно рассуждать свободно, не опасаясь подпасть под воздействие аппарата идеологического принуждения, исправно работавшего в советские годы.

При этом, живя в неосхоластическую эпоху тотального плагиата и цитирования, необходимо творчески переосмыслить духовное на-

²⁰ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. В 2-х т. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. — М., Феникс, 1992. — 528 с.; *его же*: Что такое диалектика? // Вопросы философии, 1995, № 1, с. 118–138.

²¹ Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Сочинения в 2 томах. М., Мысль, 1989. Т. 1. — С. 260.

²² Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М., ИФ РАН, 2002. — 321 с.

²³ Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. Отв. ред. М.М. Розенталь. Изд. 2-е, испр. М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 288 с. (Размышляя о марксизме.).

следие А.А. Зиновьева и Э.В. Ильенкова, а не механически воспроизводить их понимание логики «Капитала», пересказывая его «своими словами», чтобы таким образом легитимно выдать чужое за свое в духе горбачевско-ельцинской «приватизации».

После крушения аристотелевской науки, началом которого явилась коперниканская революция (1543), а формальным завершением — ньютонианская революция (1687), в философии наблюдается перманентная борьба двух программ построения новой науки, впоследствии получившей наименование классической. Это «индуктивизм» Фрэнсиса Бэкона и «дедуктивизм» Рене Декарта. Первая из вышеназванных программ, идейно восходящая к нововременному сенсуализму, предполагала построение научного знания посредством индуктивного обобщения опытных данных, получаемых в ходе наблюдений и экспериментов. Вторая, идейно восходящая к нововременному рационализму, предполагала построение новой науки по образцу евклидовой геометрии, когда из нескольких простых, интуитивно ясных положений дедуктивно выводится все прочее знание, причем без всякого прямого обращения к опыту, т.е. спекулятивно.

Целью и той, и другой программы было получение абсолютно достоверного (истинного) знания, что гарантировало бы абсолютную устойчивость возводимого таким образом здания науки, которое не должно было в один прекрасный момент катастрофически развалиться, как это случилось с аристотелевской наукой, когда в конце концов выяснилась фактическая ложность практически всех составлявших ее ключевых концептуальных положений.

Сегодня, через века, прошедшие после периода становления «индуктивизма» и «дедуктивизма», можно констатировать принципиальную ошибочность (нереализуемость) каждой из означенных программ. Первая не гарантирует построение системы безусловно истинного знания, потому что индукция, в принципе, не дает достоверных выводов, а только вероятные, через которые, как через проломы в крепостной стене, в систему знаний проникают элементы заблуждения, подтачивая ее устои изнутри. Вторая, картезианская программа также не гарантирует абсолютной достоверности, потому что природа далеко не столь проста, как представлялось в свое время Ньютону²⁴. Например, коперниканская система мироздания была, безусловно, проще, нежели птолемея, но истина, как Аристотелева добродетель, располагалась в середине между двумя пороками, и это была система Кеплера: более простая, нежели система Птолемея, но более сложная, чем система Коперника.

Так или иначе, картезианская рационалистически-дедуктивистская линия развития нововременной философии была продолжена Лейбницем и Вольфом, и далее, с некоторыми существенными

²⁴ «Природа проста и не роскошествует излишними причинами вещей». (Ньютон, И. Математические начала натуральной философии [пер. с лат.] / Исаак Ньютон; ред. и предисл. Л. С. Полака; пер. и комм. А. Н. Крылова. — М., Наука, 1989. — 688 с.).

оговорками, представителями классической немецкой философии, вплоть до Гегеля, учеником которого К. Маркс публично объявляет себя в предисловии ко второму изданию первого тома «Капитала»²⁵. В данной связи интересны критические соображения А.А. Зиновьева, высказанные им в адрес Гегеля, который, по его мнению, первым «заметил и исследовал» метод восхождения от абстрактного к конкретному, но не «смог правильно понять и применить восхождение» по причине своего идеализма²⁶. С другой стороны, Зиновьев отмечает, что именно Гегель в своей «Науке логики» задолго до Маркса теоретически поставил вопрос «о начале науки»²⁷. Далее он указывает, что, по мнению Гегеля, «науку нельзя начинать с дефиниций. Наука должна начинать с совершенно простого, и, стало быть, всеобщего. Начало абстрактное»²⁸. Проблема Гегеля в том, что он «ставит вопрос о начале философии как науки, а не о начале всякой науки ... философски, т.е. не ставит вопрос о начале восхождения в чистом виде»²⁹. Далее Зиновьев констатирует, что конкретные науки, по мнению Гегеля, «не начинают абсолютно с самого начала, а зависят от других понятий. Тогда как Гегелю важно абсолютное начало, которое (якобы) имеет место только в философии... Гегель смешивает логический вопрос о начале всякой науки с вопросом о начале логики»³⁰. Как истинный «дедуктивист» Гегель рассматривает «логическое начало» как нечто предельно абстрактное, т.е. в максимальной степени простое, пустое и бессодержательное: абсолютное есть абстрактное, чистое бытие есть ничто³¹.

Что же касается Маркса, то начало у него не абсолютно, а относительно. Поэтому он начинает свое рассмотрение капиталистического способа производства с «клеточки», которая в соответствующем экономическом контексте принимает форму товара, «экономической клеточки буржуазного общества»³². По мнению Зиновьева, именно с клеточки следует «раскрытие внутренних связей органического целого» или «раскрытие диалектики предмета»³³. Иначе говоря, рассуждение идет здесь от частного к общему, точнее, от части к целому, от простого к сложному, понимаемому как сложенное из простых частей. Если Гегель — «дедуктивист», то Маркс в своем методе ближе

²⁵ Маркс К. Капитал. Т. 1. Предисловие ко второму изданию. Соч., 2-е изд., т.23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 21.

²⁶ Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному... С.39.

²⁷ Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному... С. 62.

²⁸ Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному... С. 63.

²⁹ Там же.

³⁰ Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному... С. 64.

³¹ Там же.

³² Маркс К. Капитал. Т. 1. Предисловие к первому изданию. Соч., 2-е изд., т.23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С.6.

³³ Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному... С. 53.

к «индуктивизму», т.е. к Бэкону и, соответственно, к позитивистам, а не к Декарту и Гегелю с его логицизмом.

Не случайно Э.В. Ильенков приходит к выводу, что «логику «Капитала» отличает непосредственное соединение (совпадение) индукции и дедукции, т.е. анализа фактов с анализом понятий»³⁴. И далее: «Товар, будучи «началом» всего процесса капиталистического воспроизводства, одновременно оказывается той элементарной формой, к которой постоянно возвращается движение всех элементов производства, то есть «концом», следствием совокупного движения системы»³⁵. Иначе говоря, начиная с анализа фактов, Маркс поднимается до уровня понятия, т.е. понимания соответствующего сложного процесса, а это и есть «индуктивизм», классическое «преодоление метафизики» в духе Карнапа и раннего Витгенштейна образца «Логико-философского трактата», основная идея которого заключается в выделении теоретически нейтральных «атомарных суждений опыта»³⁶, составляющих смысловой базис не только научной, но и любой рациональности вообще. Именно их отсутствие, по мнению Витгенштейна, делает бессмысленными философские и морально-этические высказывания³⁷.

Здесь ключевое слово — «теоретически нейтральные». По мнению Зиновьева, буржуазные экономисты «стихийно нащупали... пункт, от понимания которого зависит понимание всех сторон буржуазной системы»³⁸. Стихийность в данном контексте — синоним случайного открытия, что создает видимость объективности. Наталкиваясь, как слепые котят, на бесконечные противоречия, буржуазные экономисты случайно уткнулись в некую фактуальную реальность, обозначенную ими как товар, так что их нельзя было заподозрить в какой-то изначальной предвзятости, поскольку они не ведали, что творили.

Анализируя методологическое своеобразие «Капитала» К. Маркса, здесь следует отметить, что ключевые фигуры классической немецкой философии структурировали свои системы с чистого листа, как литературные произведения, пытаясь придать им черты абсолютной завершенности или хотя бы общей законченности с тем, чтобы их продолжателям остались только вторичные отделочные работы. Например, Кант обозначал свою «Критику чистого разума» как коперниканский поворот в философии³⁹, интерпретируя все предшествующее ему философское системостроительство как «догмати-

³⁴ Ильенков Э.В. Логика «Капитала». // Философская энциклопедия / под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия. 1962. Т. 2. 504 с. С. 436–439.

³⁵ Там же.

³⁶ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. // Л. Витгенштейн. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. — М., Гнозис, 1994. С. 30.

³⁷ Там же. С. 18, 70.

³⁸ Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному... С. 53.

³⁹ Кант И. Соч. в 6-ти т. Т.3. — М., Мысль, 1964. С. 87.

ческий вздор» и «софистическую лженауку»⁴⁰. Аналогичной линии придерживался и Фихте, гордо определивший свое «наукоучение» как «науку о науке вообще» или «просто науку», а «так называемую философию», т.е. системы своих предшественников, он уничижительно именовал «знахарством», «любителеством» и «дилетантизмом»⁴¹.

Гегель вообще уподобляет себя Богу, начиная строительство своей системы с чистого бытия, тождественного чистому ничто. Иначе говоря, он, подобно Богу, творит мир из ничего, правда, исключительно в своем мышлении, но это ничего не значит, потому что у Гегеля мышление тождественно бытию. Маркс в этом (методологическом) отношении менее категоричен: он структурирует свою систему не из чистого бытия, диалектически тождественного чистому ничто, т.е. не из некой абсолютной абстракции, аналогичной в своей бессодержательности пифагорову «числу», а из «клеточки», именуемой товаром, которую можно генетически возвести к Демокритову атому. В этом плане Маркс, в отличие от Гегеля, не Бог, а Демиург. Он не отбрасывает за ненадобностью строения своих предшественников, а осуществляет их критическую деконструкцию с тем, чтобы из добытого таким образом материала возвести свое «единственно истинное» и «подлинно научное» концептуальное построение.

Но откуда берется этот исходный материал, без которого Демиург не смог бы ничего структурировать? Если верить Зиновьеву, то он возникает «стихийно». Следовательно, он не может быть результатом гениального озарения какого-нибудь великого «буржуазного» ума, будь то Адам Смит или Давид Рикардо, поскольку обнаружение «клеточки» не есть результат целенаправленного мыслительного процесса, а только случайный и потому стихийно обнаруживаемый продукт. Но за стихийностью скрывается анонимность, пресловутое «живое творчество масс», само по себе абсолютно бессмысленное, как биологическая эволюция с точки зрения эволюционной эпистемологии⁴². Только Демиург привносит извне в означенное творчество некий абсолютный смысл, замещая стихийность, т.е. хаотические столкновения локальных мнений отдельных исследователей, аналогичные перемещениям молекул газа, жесткой логической структурой, подобной кристаллической решетке твердых тел.

В осуществленной нами реконструкции метода «Капитала» непонятно лишь одно: почему, генетически восходя к гегелевскому «дедуктивизму», Маркс структурирует исследование капиталистического способа производства последовательно «индуктивистски»? При этом ситуацию затемняет характерное для марксизма понима-

⁴⁰ Кант И. Соч. в 6-ти т. Т. 4, ч. 1 — М., Мысль, 1965. С.190–191.

⁴¹ Фихте И.Г. Соч. в 2-х т. Т. 1. — Спб., Мифрил, 1993. С. 20–22.

⁴² Поннер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал-УРСС, 2002. 384 с.

ние историко-философского процесса с навешиванием системы соответствующих ярлыков. Так, идеализм Платона приводил марксистов к упорному отказу признать в нем основоположника коммунистического идеала на том основании, что в его идеальном государстве не предусматривалось освобождение рабов и равные с мужчинами права для женщин, т.е. аболиционизм и феминизм, хотя с точки зрения марксистского учения в эпоху рабовладения понимание коммунизма могло быть только рабовладельческим, а не буржуазным, как в эпоху капитализма. Аналогичным образом марксисты отсчитывали свою философскую родословную от классической немецкой философии, всячески дистанцируясь от сенсуализма и генетически восходящего к нему позитивизма, о чем свидетельствуют, в частности, амбивалентные высказывания А.А. Зиновьева в адрес Ф.Бэкона, «гениальный зародыш рационального познания» у которого «в дальнейшем выродился в удивительно плоские положения, известные в школьной логике»⁴³.

На наш взгляд, диалектическая противоречивость методологии «Капитала» проистекает из упомянутой выше принципиальной нереализуемости нововременного проекта «новой науки» как концептуальной структуры, базирующейся на некоем абсолютном основании. В этих условиях наиболее эффективной исследовательской стратегией является разумное сочетание обоих неудовлетворительных проектов, что впоследствии было эксплицировано Н. Бором в методологическом принципе дополнительности.

Парадоксально, но именно эту стратегию мы обнаруживаем у И. Ньютона в «Математических началах натуральной философии»⁴⁴. Действительно, что представляют собой три его знаменитых закона движения, известные ныне как законы Ньютона? Разве это не переложение на язык математики атомистической системы Демокрита, т.е. описание абстрактного, реально не существующего мира подобных математическим точкам чувственно не воспринимаемых атомов, прямолинейно перемещающихся в пустоте и взаимодействующих только посредством соударения? С другой стороны, фигурирующий в данном труде закон всемирного тяготения получен Ньютоном методом обратной дедукции из законов Кеплера, которые, в свою очередь, были сформулированы Кеплером посредством обобщения многолетних данных наблюдений за движением планет, собранных его предшественником Тихо Браге. То есть в этом случае мы наблюдаем классическое индуктивное обобщение посредством математического упорядочения атомарных суждений опыта в духе раннего Витгенштейна.

⁴³ Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному ... С. 164.

⁴⁴ Ньютон, И. Математические начала натуральной философии. [пер. с лат.] / Исаак Ньютон; ред. и предисл. Л. С. Полака; пер. и комм. А. Н. Крылова. М., Наука, 1989. 688 с.

И если Кант позиционировал себя как Коперника в философии, то Маркса вполне возможно позиционировать как Ньютона в политике. Внешне он также строит свое исследование чисто индуктивистски, идя от простой «клеточки» — товара — к органически сложному целому — капиталистическому способу производства. С другой стороны, в «Капитале» содержится и вторая, «дедуктивистская» составляющая, однако, как нам представляется, ее присутствие в концепции Маркса неявно, поскольку дедуктивная и индуктивная составляющие структурируемой им теоретической системы намеренно им разведены, причем не только структурно, будучи прописанными в различных по стилю и методике исполнения трудах, но и во времени.

Здесь целесообразно вновь обратиться к позитивистской традиции в философии, а именно к исторически пришедшему на смену логическому позитивизму Витгенштейна и Карнапа постпозитивизму Поппера, Лакатоса и Куна, представители которого отказались от идеи теоретической нейтральности атомарных суждений опыта, постулировав их теоретическую нагруженность. Иначе говоря, не теория индуктивно выводится из атомарных суждений опыта, а наоборот, атомарные суждения опыта подбираются для подкрепления соответствующей научной теории.

В данной связи вспоминается донкихотская попытка одного из видных представителей русского анархизма Петра Кропоткина, который попытался противопоставить эволюционной теории Дарвина, выделявшего в качестве основополагающих факторов эволюции борьбу за существование и естественный отбор, свою альтернативную дарвиновской эволюционную теорию, где движущими факторами эволюции выступали взаимопомощь и сотрудничество организмов. С другой стороны, основные идеи теории эволюции сложились у Дарвина еще в молодом возрасте (в 27 лет), после кругосветного путешествия на корабле «Бигль», тогда как свой основной труд «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» он опубликовал только в 50-летнем возрасте, поскольку все последующие после путешествия годы дорабатывал свою теорию посредством более детального ее эмпирического подкрепления.

Аналогичным образом обстояло дело и с главным трудом Маркса. Однако, в отличие от Дарвина, он изложил свои идеи значительно раньше, в иной концептуальной форме и без должного эмпирического подкрепления. Речь идет о «Манифесте коммунистической партии», написанном молодыми Марксом и Энгельсом в 1848 году, т.е. задолго до выхода в свет первого тома «Капитала» (1867). Иначе говоря, экономическая мысль Маркса развертывалась не индуктивно-бесцельно на некоем стихийно обнаруженном предшествующими экономистами основании, а вполне целенаправленно, как сознатель-

ное укрепление убедительным эмпирическим базисом сложившейся относительно независимо от означенного базиса философской теории исторического развития человечества, ключевые элементы которой молодой Маркс формулирует еще до написания «Манифеста» под влиянием кардинального критического переосмысления спекулятивной историософии Гегеля.

Доказать последний тезис весьма просто. Если бы многолетние исследования Маркса в экономической области осуществлялись в духе чистого объективизма, конечные выводы «Капитала», скорее всего, пришли бы в противоречие с положениями «Манифеста коммунистической партии». Но если между этими двумя произведениями существует очевидное логическое соответствие в духе восхождения от абстрактного к конкретному, речь идет о конкретизации положений «Манифеста» посредством написания «Капитала», точнее, о построении такой дедуктивной системы, где положения «Манифеста», декларируемые авторами гипотетически, находили бы свое четкое логическое обоснование посредством их дедуктивного вывода как следствий из развиваемой Марксом экономической теории.

Главный аргумент против марксистской теории общественного развития, выдвигаемый сегодня критиками марксизма, заключается в том, что многие ее положения и предсказания не получили своего подтверждения в ходе последующей исторической эволюции капиталистического общества. На наш взгляд, подобный аргумент не работает. Диалектический характер процесса познания проявляется, прежде всего, в том, что все научные теории рано или поздно будут опровергнуты вновь обнаруженными эмпирическими данными, то есть все подлинно научные теории с необходимостью являются ложными. Напротив, псевдонаучные построения, подобные астрологии, плавно плывут сквозь тысячелетия, поскольку какая-либо практическая возможность их опровержения фактами, как правило, заведомо не предполагается. Но отсюда вовсе не следует, что ученые должны, например, отказаться от астрономии, где регулярно обнаруживаются несоответствия тех или иных теоретических представлений о Вселенной реальному положению вещей, дабы заняться абсолютно безопасной в плане возможной фальсификации астрологией.

Аналогично и с экономической теорией Маркса. Отказаться от нее окончательно можно будет только тогда, когда ей на смену придет другая теория, создатель которой будет видеть значительно дальше, нежели в свое время увидел Маркс. Однако до тех пор, пока ничего подобного на интеллектуальном горизонте не наблюдается, «Капитал» Маркса не утрачивает своей научной актуальности.

В некотором роде социально-экономическая концепция Маркса поистине уникальна. Ведь в ее основе лежит принцип экономического детерминизма, согласно которому «политика есть концентри-

рованное выражение экономики»⁴⁵. Общая тенденция современной науки на узкую специализацию приводит к тому, что современные экономические теории вращаются преимущественно в сфере чистой экономики, а современные политико-правовые теории — в сфере чистой политики. Междисциплинарный синтез означенных областей по отношению к настоящему оказывается делом будущего, как, например, биофизика возникает лишь на достаточно высоком этапе развития как физики, так и биологии. Последнее позволяет предположить, что в методологическом плане Маркс значительно опередил свое время, подобно гелиоцентристам Гиппарху и Филолаю, предвосхитившим коперниканскую научную революцию. Соответственно можно провести аналогию между «Капиталом» Маркса и трудами Роджера Бэкона, сформулировавшего в эпоху позднего Средневековья идею объединения экспериментального естествознания с математическим описанием природы, а также «теорией света» его учителя Роберта Гроссетеста, предвосхитившего современную теорию «Большого взрыва».

То есть наследие Маркса принадлежит не прошлому, а будущему экономических и политических наук.

Перед авторами-составителями стояла довольно сложная, в чем-то необычная задача — свести воедино в формате одной книги оригинальное содержание трех томов Марксова «Капитала». Мы, исходя из изложенного выше, пошли по единственно верному, с нашей точки зрения, пути — скомпилировать отдельные главы, фрагменты и сюжеты из уникального труда Карла Маркса, выдающегося мыслителя в истории человечества. Принцип компилирования, на котором строили свою работу авторы-составители, — радикальное сокращение текста оригинала (трехтомник Марксова «Капитала»), которое подчинено решению главной задачи — не нарушить его логики.

Отдельные главы, фрагменты и сюжеты при этом отобраны те, которые в конкретно-исторической обстановке современности не просто не потеряли актуальности, но и еще более актуализировались. Особенно с периодическими кризисами, которые потрясают мировую экономику в начале XXI в.

В конечном итоге, текст получился с некоторыми элементами конспективности, так как авторы-составители сосредоточились, в первую очередь, на обобщающих суждениях и умозаключениях К. Маркса: пришлось, в частности, исключить бурную полемику, которую вел выдающийся мыслитель на страницах «Капитал» со своими оппонентами; удален и научно-справочный аппарат (кроме самого необходимого); исключены многие математические выклад-

⁴⁵ Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина // Полн. собр. соч., т. 42. С. 264—304.

ки выдающегося мыслителя, а также его всевозможные подстрочные примечания.

Конечно, изучение материалов данной книги никоим образом не может заменить работу по целевому знакомству с оригиналом «Капитала» К. Маркса. Вместе с тем, их изучение станет, безусловно, полезным тем, кто делает первые шаги в познании экономической теории марксизма. В какой-то степени книга может читаться и широкой читательской аудиторией.

ДЕРЗАЙТЕ!

У ВАС ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ!

Авторы-составители

КНИГА ПЕРВАЯ ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. ТОВАР И ДЕНЬГИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТОВАР

1. ДВА ФАКТОРА ТОВАРА: ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ И СТОИМОСТЬ (СУБСТАНЦИЯ СТОИМОСТИ, ВЕЛИЧИНА СТОИМОСТИ)

Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара.

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности.

Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью¹. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п., само есть потребительная стоимость, или благо. Этот его характер не зависит от того, много или мало труда стоит человеку присвоение его потребительных свойств. При рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их количественная определенность, например дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т. п. Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины — товароведения². Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости.

¹ «Естественная стоимость [natural worth] какой-либо вещи состоит в ее способности удовлетворять потребности или служить удобствам человеческой жизни» (*John Locke*. «Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, 1691», in «Works». London, 1777, v. II, p. 28). В XVII столетии мы еще часто встречаем у английских писателей «worth» для обозначения потребительной стоимости и «value» для обозначения меновой стоимости: это совершенно в духе английского языка, который любит вещи, непосредственно данные, обозначать словами германского происхождения, а рефлексированные — словами романского происхождения.

² В буржуазном обществе господствует *factio juris* [юридическая фикция], будто каждый человек, как покупатель товаров, обладает энциклопедическими познаниями в области товароведения.

Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода³, — соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным, а внутренняя, присущая самому товару меновая стоимость (*valeur intrinseque*) представляется каким-то *contradictio in adjecto* [противоречием в определении]⁴. Рассмотрим дело ближе.

Известный товар, например один квартал пшеницы, обменивается на x сапожной ваксы, или на y шелка, или на z золота и т.д., одним словом — на другие товары в самых различных пропорциях. Следовательно, пшеница имеет не одну-единственную, а многие меновые стоимости. Но так как и x сапожной ваксы, и y шелка, и z золота и т.д. составляют меновую стоимость квартала пшеницы, то x сапожной ваксы, y шелка, z золота и т.д. должны быть меновыми стоимостями, способными замещать друг друга, или равновеликими. Отсюда следует, во-первых, что различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое, и, во-вторых, что меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь «формой проявления» какого-то отличного от нее содержания.

Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства принимаются во внимание вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т.е. поскольку они делают товары потребительными стоимостями. Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость значит ровно столько же, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции.

Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно, не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости.

Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда. Но теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись от его потребительной стоимости, мы вместе с тем отвлеклись также от тех составных ча-

³ «Стоимость есть то отношение, в котором одна вещь обменивается на другую, определенное количество одного продукта на определенное количество другого» (*Le Trosne. «De l'Interet Social»*, «Physiocrates», ed. Daire. Paris, 1846, p. 889).

⁴ «Ничто не может иметь внутренней стоимости» (*N. Barbon*, цит. соч., стр. 6), или, как говорит Батлер: «The value of a thing Is just as much as it will bring» [«Вещь стоит ровно столько, сколько она принесет»].

стей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью. Теперь это уже не стол, или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем. Равным образом теперь это уже не продукт труда столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определенного производительного труда. Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду.

Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т.е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости.

В самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно не зависимое от их потребительных стоимостей. Если мы действительно отвлечемся от потребительной стоимости продуктов труда, то получим их стоимость, как она была только что определена. Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость. Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения, или форме проявления стоимости; тем не менее стоимость должна быть сначала рассмотрена независимо от этой формы.

Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимости субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т.д.

Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда.

Итак, величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего

времени, общественно необходимого для ее изготовления⁵. Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода⁶. Поэтому товары, в которых содержатся равные количества труда, или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости. Стоимость одного товара относится к стоимости каждого другого товара, как рабочее время, необходимое для производства первого, к рабочему времени, необходимому для производства второго. «Как стоимости, все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени»⁷.

Следовательно, величина стоимости товара оставалась бы постоянной, если бы было постоянным необходимое для его производства рабочее время. Но рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда. Производительная сила труда определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями. Вообще, чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного изделия, тем меньше кристаллизованная в нем масса труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления изделия, тем больше его стоимость. Величина стоимости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре.

Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т.д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную

⁵ *Примечание к 2 изданию.* «Стоимость их» (предметов потребления), «когда они обмениваются один на другой, определяется количеством труда, необходимого и обычно употребляемого для их производства» («Some Thoughts on the Interest of Money in general, and particularly in the Public Funds etc.». London, p. 36). Время издания этого замечательного анонимного произведения прошлого столетия не обозначено. Но из его содержания видно, что оно вышло в свет при Георге II, приблизительно в 1739 или 1740 году.

⁶ «Все продукты одного и того же рода образуют, в сущности, одну массу, цена которой определяется в целом, независимо от частных обстоятельств» (*Le Trosne*, цит. соч., стр. 893).

⁷ *Карл Маркс.* «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 6.

стоимость. {И не только для других вообще. Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть — в виде десятины попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена.} Наконец, вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости.

2. ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ЗАКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ В ТОВАРАХ ТРУДА

Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное: как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему как созидателю потребительных стоимостей. Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказана мною. Так как этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии, то его следует осветить здесь более обстоятельно.

Возьмем два товара, например один сюртук и 10 аршин холста. Пусть стоимость первого вдвое больше стоимости последних, так что если 10 аршин холста = ω , то сюртук = 2ω .

Сюртук есть потребительная стоимость, удовлетворяющая определенную потребность. Для того чтобы создать его, был необходим определенный род производительной деятельности. Последний определяется своей целью, характером операций, предметом, средствами и результатом. Труд, полезность которого выражается таким образом в потребительной стоимости его продукта, или в том, что продукт его является потребительной стоимостью, мы просто назовем полезным трудом. С этой точки зрения труд всегда рассматривается в связи с его полезным эффектом.

Как сюртук и холст — качественно различные потребительные стоимости, точно так же качественно различны между собой и обусловливающие их бытие работы: портняжество и ткачество. Если бы эти вещи не были качественно различными потребительными стоимостями и, следовательно, продуктами качественно различных видов полезного труда, то они вообще не могли бы противостоять друг другу как товары. Сюртук не обменивают на сюртук, данную потребительную стоимость — на ту же самую потребительную стоимость.

В совокупности разнородных потребительных стоимостей, или товарных тел, проявляется совокупность полезных работ, столь же многообразных, разделяющихся на столько же различных родов, ви-

дов, семейств, подвидов и разновидностей, одним словом — проявляется общественное разделение труда. Оно составляет условие существования товарного производства, хотя товарное производство, наоборот, не является условием существования общественного разделения труда. В древнеиндийской общине труд общественно разделен, но продукты его не становятся товарами. Или возьмем более близкий пример: на каждой фабрике труд систематически разделен, но это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда. Только продукты самостоятельных, друг от друга не зависимых частных работ противостоят один другому как товары.

Итак, в потребительной стоимости каждого товара содержится определенная целесообразная производительная деятельность, или полезный труд. Потребительные стоимости не могут противостоят друг другу как товары, если в них не содержатся качественно различные виды полезного труда. В обществе, продукты которого, как общее правило, принимают форму товаров, т.е. в обществе товаро-производителей, это качественное различие видов полезного труда, которые здесь выполняются независимо друг от друга, как частное дело самостоятельных производителей, развивается в многочленную систему, в общественное разделение труда.

Для сюртука, впрочем, безразлично, кто его носит, сам ли портной или заказчик портного. В обоих случаях он функционирует как потребительная стоимость. Столь же мало меняет отношение между сюртуком и производящим его трудом тот факт, что портняжный труд становится особой профессией, самостоятельным звеном общественного разделения труда. Там, где это вынуждалось потребностью в одежде, человек портняжил целые тысячелетия, прежде чем из человека сделался портной. Но сюртук, холст и вообще всякий элемент вещественного богатства, который мы не находим в природе в готовом виде, всегда должен создаваться при посредстве специальной, целесообразной производительной деятельности, приспособляющей различные вещества природы к определенным человеческим потребностям. Следовательно, труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т.е. не была бы возможна сама человеческая жизнь.

Потребительные стоимости: сюртук, холст и т.д., одним словом — товарные тела, представляют собой соединение двух элементов — вещества природы и труда. За вычетом суммы всех различных полезных видов труда, заключающихся в сюртуке, холсте и т.д., всегда остается известный материальный субстрат, который существует от природы, без всякого содействия человека. Человек в процессе

производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т.е. может изменять лишь формы веществ⁸. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы. Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля — его мать.

Перейдем теперь от товара как предмета потребления к товарной стоимости.

Согласно нашему предположению, сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем холст. Но это только количественная разница, которая нас пока не интересует. Мы напомним поэтому, что если стоимость одного сюртука равна двойной стоимости 10 аршин холста, то 20 аршин холста имеют ту же самую величину стоимости, что один сюртук. Как стоимости, сюртук и холст суть вещи, имеющие одну и ту же субстанцию, суть объективные выражения однородного труда. Но портняжество и ткачество — качественно различные виды труда. Бывают, однако, такие общественные условия, при которых один и тот же человек попеременно шьет и ткет и где, следовательно, оба эти различные виды труда являются лишь модификациями труда одного и того же индивидуума, а не прочно обособившимися функциями различных индивидуумов, — совершенно так же, как сюртук, который портной шьет сегодня, и брюки, которые он делает завтра, представляют собой лишь вариации одного и того же индивидуального труда. Далее, ежедневный опыт показывает, что в капиталистическом обществе, в зависимости от изменяющегося направления спроса на труд, известная доля общественного труда предлагается попеременно, то в форме портняжества, то в форме ткачества. Это изменение формы труда не совершается, конечно, без известного трения, но оно должно совершаться. Если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно — что он есть расходование человеческой рабочей силы. Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют собой производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т.д.

⁸ «Все явления вселенной, созданы ли они рукой человека или же всеобщими законами природы, не дают нам идеи о действительном сотворении материи, а дают лишь идею о ее видоизменении. Соединение и разделение — вот единственные элементы, которые обнаруживает человеческий разум, анализируя идею производства. Производство стоимости» (потребительной стоимости, хотя, полемизируя здесь с физиократами, Верри сам не знает толком, о какого рода стоимости он говорит) «и богатства в одинаковой степени имеет место как в том случае, когда земля, воздух и вода превращаются на полях в пшеницу, так и в том случае, когда под рукой человека клейкие выделения насекомых превращаются в шелковую ткань или когда отдельные кусочки металла соединяются вместе и образуют часовой механизм» (*Pietro Verri. «Meditazioni sulla Economia Politica»* (впервые напечатано в 1771 г.) в издании Кустоди сочинений итальянских экономистов, Parte Moderna, t. XV, p. 21, 22).

и в этом смысле — один и тот же человеческий труд. Это лишь две различные формы расходования человеческой рабочей силы. Конечно, сама человеческая рабочая сила должна быть более или менее развита, чтобы затрачиваться в той или другой форме. Но в стоимости товара представлен просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще. Подобно тому как в буржуазном обществе генерал или банкир играют большую роль, а просто человек — очень жалкую⁹, точно так же обстоит здесь дело и с человеческим трудом. Он есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием. *Простой средний труд*, хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее для каждого определенного общества есть нечто данное. Сравнительно сложный труд означает только *возведенный в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда¹⁰. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленными обычаем. Ради простоты в дальнейшем изложении мы будем рассматривать всякий вид рабочей силы непосредственно как простую рабочую силу, — это избавит нас от необходимости сведения в каждом частном случае сложного труда к простому.

Стало быть, как в стоимостях сюртука и холста исчезают различия их потребительных стоимостей, так и в труде, представленном в этих стоимостях, исчезают различия его полезных форм — портняжества и ткачества. Если потребительные стоимости сюртук и холст представляют собой лишь соединения целесообразной производительной деятельности с сукном и пряжей, то в качестве стоимостей сюртук и холст суть не более, как однородные сгустки труда; равным образом и в затратах труда, содержащихся в этих стоимостях, имеет значение не производительное их отношение к сукну и пряже, а лишь расходование человеческой рабочей силы. Элементами, создающими потребительные стоимости сюртук и холст, портняжество и ткачество являются именно в силу своих качественно различных особенностей; субстанцией стоимости сюртука и холста они оказы-

⁹ Ср. Hegel. «Philosophic des Rechts». Berlin, 1840, S. 250, § 190.

¹⁰ Читатель должен иметь в виду, что здесь речь идет не о заработной плате, или стоимости, которую рабочий получает, например, за один рабочий день, а о стоимости товаров, в которой овеществляется его рабочий день. Категория заработной платы вообще еще не существует для нас на данной ступени нашего изложения.

ваются лишь постольку, поскольку происходит отвлечение от их особых качеств, поскольку они обладают одним и тем же качеством, качеством человеческого труда.

Но сюртук и холст — не только стоимости вообще, но и стоимости определенной величины: по нашему предположению, сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем 10 аршин холста. Откуда эта разница в величине их стоимости? Причина состоит в том, что холст содержится в себе лишь половину того труда, который заключается в сюртуке, так что для производства последнего надо затрачивать рабочую силу в течение вдвое более продолжительного времени, чем для производства первого.

Поэтому, если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь качество содержащегося в нем труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда, уже сведенного к человеческому труду без всякого дальнейшего качества. В первом случае дело идет о том, как совершается труд и что он производит, во втором случае — о том, сколько труда затрачивается и сколько времени он продолжается. Так как величина стоимости товара выражает лишь количество заключающегося в нем труда, то взятые в известной пропорции товары всегда должны быть равновеликими стоимостями.

Если производительная сила всех полезных видов труда, необходимых для производства одного сюртука, остается неизменной, то величина стоимости сюртуков растет пропорционально их количеству. Если один сюртук представляет x рабочих дней, то 2 сюртука представляют $2x$ рабочих дней и т.д. Но допустим, что труд, необходимый для производства одного сюртука, возрастает вдвое или падает наполовину. В первом случае один сюртук стоит столько, сколько раньше стоили два сюртука, во втором случае два сюртука стоят столько, сколько раньше стоил один, хотя в обоих случаях услуги, оказываемые сюртуком, остаются неизменными, равно как остается неизменным и качество содержащегося в нем полезного труда. Но количество труда, затраченного на его производство, изменилось.

Большее количество потребительной стоимости составляет само по себе большее вещественное богатство: два сюртука больше, чем один. Двумя сюртуками можно одеть двух человек, одним — только одного и т.д. Тем не менее возрастающей массе вещественного богатства может соответствовать одновременное понижение величины его стоимости. Это противоположное движение возникает из двойственного характера труда. Производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда и фактически определяет собой только степень эффективности целесообразной производительной деятельности в течение данного промежутка времени. Следовательно, полезный труд оказывается то более богатым, то более скудным источником продуктов прямо

пропорционально повышению или падению его производительной силы. Напротив, изменение производительной силы само по себе несколько не затрагивает труда, представленного в стоимости товара. Так как производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может затрагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы. Следовательно, один и тот же труд в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная сила. Но он доставляет при этих условиях в равные промежутки времени различные количества потребительных стоимостей: больше, когда производительная сила растет, меньше, когда она падает. То самое изменение производительной силы, которое увеличивает плодотворность труда, а потому и массу доставляемых им потребительных стоимостей, уменьшает, следовательно, величину стоимости этой возросшей массы, раз оно сокращает количество рабочего времени, необходимого для ее производства. И наоборот.

Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, — и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости¹¹.

¹¹ *Примечание к 2 изданию.* Чтобы доказать, «что один лишь труд является окончательной и реальной мерой, посредством которой мы можем оценивать и сравнивать между собой стоимости всех товаров во все времена», А. Смит пишет: «Одинаковые количества труда должны иметь во все времена и во всех местах одинаковую стоимость для рабочего. При нормальном состоянии здоровья, силы, деятельности и при средней степени умения, которым он обладает, он должен всегда отдавать одну и ту же долю своего покоя, свободы и своего счастья» («Wealth of Nations» v. I, ch. V). С одной стороны, А. Смит смешивает здесь (но не везде) определение стоимости количеством труда, затраченного на производство товара, с определением товарных стоимостей стоимостью самого труда и поэтому старается доказать, что равные количества труда всегда имеют одну и ту же стоимость. С другой стороны, он чувствует, что труд, поскольку он выражается в стоимости товаров, означает лишь затрату рабочей силы, но эту затрату он изображает опять-таки лишь как пожертвование покоем, свободой и счастьем, не видя в этой затрате также и нормальной жизнедеятельности. Правда, перед его глазами был современный наемный рабочий. — Гораздо удачнее рассуждает в данном вопросе цитированный в примечании 9 анонимный предшественник А. Смита: «Некто потратил неделю на приготовление данного предмета потребления... и тот, кто предлагает ему в обмен какой-либо другой предмет, лучше всего оценит, что является надлежащим эквивалентом первому предмету, если высчитает, какое количество его предмета стоило ему того же труда [labour] и времени. Дело сводится здесь к тому, что труд, затрачивавшийся одним человеком на производство данной вещи в течение известного времени, обменивается на труд другого человека, затрачивавшийся в течение того же времени на производство другой вещи» («Some Thoughts on the Interest of Money in general etc.», p. 39). {К 4 изданию. Английский язык имеет то преимущество, что в нем существуют два различных слова для обозначения двух различных сторон труда. Труд, качественно определенный, создающий потребительные стоимости, называется work в противоположность labour; труд, создающий стоимость и измеряемый лишь количественно, называется labour в противоположность work. См. примечание к английскому переводу, стр. 14. Ф. Э.}

3. ФОРМА СТОИМОСТИ, ИЛИ МЕНОВАЯ СТОИМОСТЬ

Товары являются на свет в форме потребительных стоимостей, или товарных тел, каковы железо, холст, пшеница и т.д. Это их доморощенная натуральная форма. Но товарами они становятся лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости. Следовательно, они являются товарами, или имеют товарную форму, лишь постольку, поскольку они обладают этой двойной формой — натуральной формой и формой стоимости.

Стоимость [Wertgegenstandlichkeit] товаров тем отличается от вдовицы Куикли, что не знаешь, как за нее взяться. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость [Wertgegenstandlichkeit] не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость [Wertding] остается неуловимым. Но если мы припомним, что товары обладают стоимостью [Wertgegenstandlichkeit] лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, что их стоимость [Wertgegenstandlichkeit] имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собой понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому. В самом деле мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости.

Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости.

Каждый знает — если он даже ничего более не знает, — что товары обладают общей им всем формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных стоимостей, а именно: обладают денежной формой стоимости. Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, — именно показать происхождение этой денежной формы, т.е. проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег.

Простейшее стоимостное отношение есть, очевидно, стоимостное отношение товара к какому-нибудь одному товару другого рода — все равно какого именно. Стоимостное отношение двух товаров дает, таким образом, наиболее простое выражение стоимости данного товара.

А. ПРОСТАЯ, ЕДИНИЧНАЯ, ИЛИ СЛУЧАЙНАЯ, ФОРМА СТОИМОСТИ

x товара $A = y$ товара B , или: x товара A стоит y товара B . (20 аршин холста = 1 сюртуку, или: 20 аршин холста стоят одного сюртука.)

1. Два полюса выражения стоимости: относительная форма стоимости и эквивалентная форма.

Тайна всякой формы стоимости заключена в этой простой форме стоимости. Ее анализ и представляет поэтому главную трудность.

Два разнородных товара *A* и *B*, в нашем примере холст и сюртук, играют здесь, очевидно, две различные роли. Холст выражает свою стоимость в сюртуке, сюртук служит материалом для этого выражения стоимости. Первый товар играет активную, второй пассивную роль. Стоимость первого товара представлена как относительная стоимость, или он находится в относительной форме стоимости. Второй товар функционирует как эквивалент, или находится в эквивалентной форме.

Относительная форма стоимости и эквивалентная форма — это соотносительные, взаимно друг друга обуславливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключаящие или противоположные крайности, т.е. полюсы одного и того же выражения стоимости; они всегда распределяются между различными товарами, которые выражением стоимости ставятся в отношение друг к другу. Я не могу, например, выразить стоимость холста в холсте. 20 аршин холста = 20 аршинам холста не есть выражение стоимости. Это уравнение скорее говорит наоборот: 20 аршин холста есть не что иное, как 20 аршин холста, т.е. определенное количество предмета потребления — холста. Следовательно, стоимость холста может быть выражена лишь относительно, т.е. в другом товаре. Относительная форма стоимости холста предполагает поэтому, что какой-нибудь иной товар противостоит ему в эквивалентной форме. С другой стороны, этот иной товар, фигурирующий в качестве эквивалента, не может в то же время находиться в относительной форме стоимости. Не он выражает свою стоимость. Он доставляет лишь материал для выражения стоимости другого товара.

Правда, выражение 20 аршин холста = 1 сюртуку, или 20 аршин холста стоят 1 сюртука, включает в себя и обратное отношение: 1 сюртук = 20 аршинам холста, или 1 сюртук стоит 20 аршин холста. Но мне приходится, таким образом, перевернуть уравнение для того, чтобы дать относительное выражение стоимости сюртука, и, раз я это делаю, холст вместо сюртука становится эквивалентом. Следовательно, один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга.

Находится ли данный товар в относительной форме стоимости или в противоположной ей эквивалентной форме — это зависит исключительно от его места в данном выражении стоимости, т.е. от того, является ли он товаром, стоимость которого выражается, или же товаром, в котором выражается стоимость.

2. Относительная форма стоимости

а) Содержание относительной формы стоимости

Чтобы выяснить, каким образом простое выражение стоимости одного товара содержится в стоимостном отношении двух товаров, необходимо прежде всего рассмотреть это последнее независимо от его количественной стороны. Обыкновенно же поступают как раз наоборот и видят в стоимостном отношении только пропорцию, в которой приравниваются друг другу определенные количества двух различных сортов товара. При этом забывают, что различные вещи становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к одному и тому же единству. Только как выражения одного и того же единства они являются одноименными, а следовательно, соизмеримыми величинами.

Равняются ли 20 аршин холста одному сюртуку, или они = 20, или — x сюртукам, другими словами — стоит ли данное количество холста многих или немногих сюртуков, во всяком случае самое существование такой пропорции предполагает всегда, что холст и сюртуки как величины стоимости суть выражения одного и того же единства, суть вещи, имеющие одну и ту же природу. Холст = сюртуку — это основа уравнения.

Но эти два качественно уравненных друг с другом товара играют не одинаковую роль. Только стоимость холста находит себе выражение. И притом каким образом? Путем его отношения к сюртуку как его «эквиваленту», как к чему-то, на что холст может быть обменян. В этом отношении сюртук служит формой существования стоимости, воплощением стоимости [Wertding], потому что только как стоимость он тождествен с холстом. С другой стороны, здесь обнаруживается или получает самостоятельное выражение стоимостное бытие самого холста, потому что лишь как стоимость холст может относиться к сюртуку как к чему-то равноценному или способному обмениваться на него. Когда мы говорим: как стоимости, товары суть простые сгустки человеческого труда, то наш анализ сводит товары к абстрактной стоимости, но не дает им формы стоимости, отличной от их натуральной формы. Не то в стоимостном отношении одного товара к другому. Стоимостный характер товара ¹² обнаруживается здесь в его собственном отношении к другому товару.

Когда, например, сюртук, как стоимость [Wertding], приравнивается холсту, заключающийся в первом труд приравнивается труду, заключающемуся во втором. Конечно, портняжный труд, создающий сюртук, есть конкретный труд иного рода, чем труд тка-

¹² Те немногие экономисты, которые, как, например, С. Бейли, занимались анализом формы стоимости, не могли прийти ни к какому результату, с одной стороны, потому, что они смешивают форму стоимости и самую стоимость, с другой стороны, потому, что, находясь под влиянием грубого практического буржуа, они с самого начала обращают внимание исключительно на количественную определенность менового отношения. «Власть над количеством... конституирует стоимость» («Money and its Vicissitudes». London, 1837, p. 11). Автор С. Бейли.

ча, который делает холст. Но приравнение к ткачеству фактически сводит портняжество к тому, что действительно одинаково в обоих видах труда, к общему им характеру человеческого труда. Этим окольным путем утверждается далее, что и ткачество, поскольку оно ткет стоимость, не отличается от портняжества, следовательно есть абстрактно человеческий труд. Только выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает специфический характер труда, образующего стоимость, так как разнородные виды труда, содержащиеся в разнородных товарах, оно действительно сводит к тому, что в них есть общего, — к человеческому труду вообще¹³.

Недостаточно, однако, выразить специфический характер того труда, из которого состоит стоимость холста. Человеческая рабочая сила в текущем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме. Для того чтобы стоимость холста была выражена как сгусток человеческого труда, она должна быть выражена как особая «предметность», которая вечно отлична от самого холста и в то же время обща ему и другому товару. Эта задача уже решена.

В стоимостном отношении холста к сюртуку сюртук фигурирует как нечто качественно одинаковое с холстом, как вещь того же самого рода, потому что он есть стоимость. Он играет здесь роль вещи, в которой проявляется стоимость или которая в своей осязательной натуральной форме представляет стоимость. Конечно, сюртук — тело товара сюртук — есть только потребительная стоимость. Сюртук столь же мало выражает собой стоимость, как и первый попавшийся кусок холста. Но это доказывает лишь, что в пределах своего стоимостного отношения к холсту сюртук значит больше, чем вне его, — подобно тому как многие люди в сюртуке с золотым шитьем значат больше, чем без него.

В производстве сюртука в форме портняжного труда действительно затрачена человеческая рабочая сила. Следовательно, в нем накоплен человеческий труд. С этой стороны сюртук является «носителем стоимости», хотя это его свойство и не просвечивает сквозь его ткань, как бы тонка она ни была. И в своем стоимостном отношении к холсту он выступает лишь этой своей стороной, т.е. как воплощенная стоимость, как стоимостная плоть. Несмотря на то, что сюртук выступает застегнутым на все пуговицы, холст узнает в нем

¹³ *Примечание к 2 изданию.* Один из первых экономистов, который после Уильяма Петти разглядел природу стоимости, знаменитый Франклин, говорит: «Так как торговля есть вообще не что иное, как обмен одного труда на другой труд, то стоимость всех вещей наиболее правильно оценивать трудом» («*The Works of B. Franklin etc.*», edited by Sparks». Boston, 1836, v. II, p. 267). Франклин не уяснил себе, что оценивая стоимость всех вещей «трудом», он тем самым отвлекается от различий между обмениваемыми видами труда, — следовательно, сводит их к одинаковому человеческому труду. Но хотя он этого не знает, он непроизвольно высказывает это. Он говорит сначала об «одном труде», затем о «другом труде», в заключение о «труде» без дальнейшего определения как о субстанции стоимости всех вещей.

родственную себе прекрасную душу стоимости. Но сюртук не может представлять стоимости в глазах холста без того, чтобы для последнего стоимость не приняла формы сюртука. Так индивидуум *A* не может относиться к индивидууму *B* как к его величеству без того, чтобы для *A* величество как таковое не приняло телесного вида *B*, — потому-то присущие величеству черты лица, волосы и многое другое меняются с каждой сменой властителя страны.

Следовательно, в том стоимостном отношении, в котором сюртук образует эквивалент холста, форма сюртука играет роль формы стоимости. Стоимость товара холст выражается поэтому в теле товара сюртук, стоимость одного товара — в потребительной стоимости другого. Как потребительная стоимость, холст есть вещь, чувственно отличная от сюртука; как стоимость, он «сюртукоподобен», выглядит совершенно так же, как сюртук. Таким образом холст получает форму стоимости, отличную от его натуральной формы. Его стоимостное бытие проявляется в его подобии сюртуку, как овечья натура христианина — в уподоблении себя агнцу божью.

Итак, посредством стоимостного отношения натуральная форма товара *B* становится формой стоимости товара *A*, или тело товара *B* становится зеркалом стоимости товара *A*¹⁴. Товар *A*, относясь к товару *B* как к стоимостной плоти, как к материализации человеческого труда, делает потребительную стоимость *B* материалом для выражения своей собственной стоимости. Стоимость товара *A*, выраженная таким образом в потребительной стоимости товара *B*, обладает формой относительной стоимости.

б) Количественная определенность относительной формы стоимости

Каждый товар, стоимость которого должна быть выражена, представляет собой известное количество данного предмета потребления, например 15 шеффелей пшеницы, 100 фунтов кофе и т.д. Это данное количество товара содержит в себе определенное количество человеческого труда. Следовательно, форма стоимости должна выражать собой не только стоимость вообще, но количественно определенную стоимость, или величину стоимости. Поэтому в стоимостном отношении товара *A* к товару *B*, холста к сюртуку, товар вида сюртук не только качественно отождествляется с холстом как стоимостной плотью вообще, но определенному количеству холста, например 20 аршинам, приравняется определенное количество стоимостной плоти, или эквивалента, например 1 сюртук.

¹⁴ В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек».

Уравнение «20 аршин холста = 1 сюртуку, или 20 аршин холста стоят 1 сюртука» предполагает, что в одном сюртуке содержится ровно столько же субстанции стоимости, как и в 20 аршинах холста, что оба эти количества товаров стоят равного труда, или равновеликого рабочего времени. Но рабочее время, необходимое для производства 20 аршин холста или 1 сюртука, изменяется с каждым изменением производительной силы труда в портняжестве или ткачестве.

Действительные изменения величины стоимости не отражаются, как мы видим, достаточно ясно и полно в относительном выражении величины стоимости, или в величине относительной стоимости. Относительная стоимость товара может изменяться, несмотря на то, что стоимость его остается постоянной. Его относительная стоимость может оставаться постоянной, несмотря на то, что стоимость изменяется, и, наконец, одновременные изменения величины стоимости и относительного выражения этой величины стоимости отнюдь не всегда целиком совпадают.¹⁵

3. Эквивалентная форма

Мы видели, что когда какой-либо товар А (холст) выражает свою стоимость в потребительной стоимости отличного от него товара В (сюртуке), он в то же время придает этому последнему своеобразную форму стоимости, форму эквивалента. Товар холст обнаруживает свое собственное стоимостное бытие тем, что сюртук, не принимая никакой формы стоимости, отличной от его телесной формы, приравнивается к холсту. Таким образом, холст фактически выражает свое стоимостное бытие тем, что сюртук может непосредственно обмениваться на него. Эквивалентная форма какого-либо товара есть поэтому форма его непосредственной обмениваемости на другой товар.

¹⁵ *Примечание к 2 изданию.* Это несовпадение величины стоимости и ее относительного выражения используется вульгарной политической экономией с обычным для нее остроумием. Например: «Допустите только, что А падает потому, что В, на которое оно обменивается, повышается, причем, однако, на А затрачивается не меньше труда, чем раньше, и ваш всеобщий принцип стоимости терпит крушение... Раз мы допустили, что стоимость В по отношению к А падает вследствие того, что стоимость А по отношению к В возрастает, то тем самым уничтожается та почва, на которой Рикардо воздвигает свое великое положение, что стоимость товара всегда определяется количеством воплощенного в нем труда. Потому что, если изменение в издержках производства А изменяет не только его собственную стоимость по отношению к В, на которое оно обменивается, но изменяет также стоимость В по отношению к А, хотя никакой перемены в количестве труда, необходимого для производства В, не произошло, то рушится не только доктрина, уверяющая, что стоимость товара регулируется количеством затраченного на него труда, но также доктрина, согласно которой издержки производства данного товара регулируют его стоимость» (*J. Broadhurst. «Political Economy».* London, 1842, p. 11, 14).

Г-н Бродхерст мог бы с таким же правом сказать: присмотритесь к числовым отношениям $\frac{10}{20}$, $\frac{10}{50}$, $\frac{10}{100}$ и т. д. Число 10 остается неизменным, и, несмотря на это, его относительная величина, его величина по отношению к знаменателям 20, 50, 100 и т. д., постоянно убывает. Следовательно, рушится великий принцип, согласно которому величина целого числа, например 10, «регулируется» количеством содержащихся в нем единиц.

Если данный вид товара, например сюртуки, служит другому виду товара, например холсту, в качестве эквивалента, если, таким образом, сюртуки приобретают характерное свойство — находиться в форме, непосредственно обмениваемой на холст, то этим отнюдь еще не указывается та пропорция, в которой сюртуки и холст могут обмениваться друг на друга. Она зависит, поскольку дана величина стоимости холста, от величины стоимости сюртуков. Является ли сюртук эквивалентом, а холст относительной стоимостью, или, наоборот, холст эквивалентом, а сюртук относительной стоимостью, величина стоимости сюртука в любом случае определяется рабочим временем, необходимым для его производства, следовательно — независимо от формы его стоимости. Но раз товар вида сюртук занимает место эквивалента в выражении стоимости, величина его стоимости, как таковая, не получает никакого выражения. Более того: она фигурирует в стоимостном уравнении только как определенное количество данной вещи.

В действительности эквивалентная форма товара не содержит никакого количественного определения стоимости.

Первая особенность, бросающаяся в глаза при рассмотрении эквивалентной формы, состоит в том, что потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости.

Так как относительная форма стоимости товара, например холста, выражает его стоимостное бытие как нечто совершенно отличное от его тела и свойств последнего, например как нечто «сюртукоподобное», то уже само это выражение указывает, на то, что за ним скрывается некоторое общественное отношение. Как раз противоположный характер носит эквивалентная форма. Ведь она состоит именно в том, что данное тело товара, скажем сюртук, данная вещь как таковая, выражает стоимость, следовательно, по самой природе своей обладает формой стоимости. Правда, это справедливо лишь в пределах того стоимостного отношения, в котором товар холст относится к товару сюртук как к эквиваленту¹⁶. Но так как свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении, то кажется, будто сюртук своей эквивалентной формой, своим свойством непосредственной обмениваемости обладает от природы, совершенно так же как тяжестью или свойством удерживать тепло. Отсюда загадочность эквивалентной формы, поражающая буржуазно-грубый взгляд экономиста лишь тогда, когда эта форма предстает перед ним в готовом виде — как деньги. Тогда экономист пытается разделаться с мистическим характером золота и серебра, подсовывая на их место менее ослепитель-

¹⁶ Такие соотносительные определения представляют собой вообще нечто весьма своеобразное. Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они — подданные потому, что он король.

ные товары и все с новым и новым удовольствием перечисляя список той товарной черни, которая в свое время играла роль товарного эквивалента. Он и не подозревает, что уже самое простое выражение стоимости: 20 аршин холста = 1 сюртуку, дает разгадку эквивалентной формы.

Тело товара, служащего эквивалентом, всегда выступает как воплощение абстрактно человеческого труда и всегда в то же время есть продукт определенного полезного, конкретного труда. Таким образом, этот конкретный труд становится выражением абстрактно человеческого труда. Если, например, сюртук служит не более как вещью, в которой осуществлен абстрактно человеческий труд, то и портняжный труд, который фактически в нем осуществлен, служит не более как формой осуществления абстрактно человеческого труда.

Итак, вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда.

Но так как этот конкретный труд, портняжество, выступает здесь как простое выражение лишенного различий человеческого труда, то он обладает формой равенства с другим трудом, с трудом, содержащимся в холсте; поэтому, несмотря на то, что он, подобно всякому другому производящему товары труду, является трудом частным, он все же есть труд в непосредственно общественной форме. Именно поэтому он выражается в продукте, способном непосредственно обмениваться на другой товар. Третья особенность эквивалентной формы состоит, таким образом, в том, что частный труд становится формой своей противоположности, т.е. трудом в непосредственно общественной форме.

4. Простая форма стоимости в целом

Простая форма стоимости товара заключается в его стоимостном отношении к неоднородному с ним товару, или в его меновом отношении к этому последнему. Стоимость товара *А* качественно выражается в способности товара *В* непосредственно обмениваться на товар *А*. Количественно она выражается в способности определенного количества товара *В* обмениваться на данное количество товара *А*. Другими словами: стоимость товара получает самостоятельное выражение, когда она представлена как «меновая стоимость». Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления, и «стоимость». Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда его стоимость получает собственную, отличную от его натуральной, форму проявления, а именно форму меновой стоимости, причем товар, рассматриваемый изолированно, никогда не обладает этой формой, но обладает ею всегда лишь в сто-

имостном отношении, или в меновом отношении, к другому, неоднородному с ним товару.

Ближайшее рассмотрение выражения стоимости товара *A*, содержащегося в его стоимостном отношении к товару *B*, показало нам, что в пределах этого отношения натуральная форма товара *A* служит лишь образом потребительной стоимости, а натуральная форма товара *B* — лишь формой стоимости, или образом стоимости. Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю противоположность, т.е. через отношение двух товаров, в котором один товар — тот, стоимость *которого* выражается, — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в *котором* стоимость выражается, — непосредственно играет роль лишь меновой стоимости. Следовательно, простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной стоимости и стоимости.

Продукт труда во всяком обществе есть предмет потребления, но лишь одна исторически определенная эпоха развития превращает продукт труда в товар, — а именно та, при которой труд, затраченный на производство полезной вещи, выступает как «предметное» свойство этой вещи, как ее стоимость. Отсюда следует, что простая форма стоимости товара есть в то же время простая товарная форма продукта труда, что поэтому развитие товарной формы совпадает с развитием формы стоимости.

В. ПОЛНАЯ, ИЛИ РАЗВЕРНУТАЯ, ФОРМА СТОИМОСТИ

z товара *A* = u товара *B*, или = v товара *C*, или = t товара *D*, или = x товара *E*, или = и т.д.

(20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 40 ф. кофе, или = 1 квартеру пшеницы, или = 2 унциям золота, или = $\frac{1}{2}$ тонны железа, или = и т.д.)

1) Развернутая относительная форма стоимости

Стоимость данного товара, например холста, выражается теперь в бесчисленных других элементах товарного мира. Каждое другое товарное тело становится зеркалом стоимости холста¹⁷. Таким образом, толь-

¹⁷ Поэтому говорят о сюртучной стоимости холста, если выражают стоимость холста в сюртуках, о его хлебной стоимости, если выражают ее в хлебе, и т.д. Каждое такое выражение означает, что в потребительной стоимости сюртука, хлеба и т.д. проявляется не что иное, как стоимость холста. «Так как стоимость каждого товара означает его меновое отношение... мы можем говорить о ней... как о хлебной стоимости, суконной стоимости и т. п., в зависимости от того, с каким другим товаром данный товар сравнивается; таким образом, имеются тысячи различных видов стоимости — ровно столько видов стоимости, сколько существует товаров, и все они одинаково реальны и одинаково номинальны» («A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the Author of Essays on the Formation etc. of Opinions». London, 1825, p. 39). С. Бейли, автор этой анонимной работы, которая в свое время наделала много шума в Англии, воображает, что указанием на эти пестрые

ко теперь сама эта стоимость действительно выступает как сгусток лишенного различий человеческого труда. Это потому что образующий ее труд теперь вполне отчетливо выражен как труд, равнозначный всякому другому человеческому труду, независимо от того, какой натуральной формой обладает последний и овеществляется ли он в сюртуке, пшенице, железе, золоте и т.д. Поэтому в силу своей формы стоимости холст вступает теперь в общественное отношение не с одним только товаром другого вида, а со всем товарным миром. Как товар, он гражданин этого мира. В то же время бесконечный ряд выражений товарной стоимости показывает, что она относится с полным безразличием ко всякой особой форме потребительной стоимости, в которой она проявляется.

В первой форме — 20 аршин холста = 1 сюртуку — может казаться простой случайностью, что эти два товара обмениваются друг на друга в определенном количественном соотношении. Напротив, во второй форме тотчас же обнаруживается скрывающаяся за этим основа, по существу отличная от случайного проявления и определяющая собой это последнее. Стоимость холста остается одинаковой по своей величине независимо от того, выражается ли она в сюртуке, кофе, железе и т.д., — в бесконечно разнообразных товарах, принадлежащих самым различным владельцам. Случайное отношение двух индивидуальных товаровладельцев отпадает. Становится очевидным, что не обмен регулирует величину стоимости товара, а наоборот, величина стоимости товара регулирует его меновые отношения.

2) Особенная эквивалентная форма

Каждый товар: сюртук, чай, пшеница, железо и т.д., в выражении стоимости холста выступает в качестве эквивалента и потому в качестве стоимостного тела. Определенная натуральная форма каждого из этих товаров есть теперь особенная эквивалентная форма наряду со многими другими. Равным образом многообразные определенные, конкретные виды полезного труда, содержащиеся в различных товарных телах, выступают теперь лишь в качестве особенных форм осуществления и проявления человеческого труда вообще.

3) Недостатки полной, или развернутой, формы стоимости

Во-первых, относительное выражение стоимости товара является здесь незавершенным, так как ряд выражений его стоимости никогда не заканчивается. Цепь, звенья которой состоят из уравнений стоимости, всегда может быть продолжена путем включения каждого вновь появляющегося товарного вида, доставляющего материал для нового выражения стоимости. Во-вторых, такая цепь образует пеструю мозаику разрозненных и разнородных выражений стоимости. Наконец,

относительные выражения одной и той же товарной стоимости он уничтожил всякую возможность определить понятие стоимости. Что он, несмотря на всю свою ограниченность, все же нащупал уязвимые места рикардовской теории, доказывает то раздражение, с которым напала на него школа Рикардо, например в «Westminster Review».

если, как это и должно произойти, в этой развернутой форме выражается относительная стоимость каждого товара, то относительная форма стоимости каждого товара есть бесконечный ряд выражений стоимости, отличный от выражения относительной формы стоимости всякого иного товара. Недостатки развернутой относительной формы стоимости отражаются, в свою очередь, и на соответствующей ей эквивалентной форме. Так как натуральная форма каждого отдельного товарного вида является здесь особенной эквивалентной формой наряду с бесчисленными другими особенными эквивалентными формами, то существуют вообще лишь ограниченные эквивалентные формы, из которых каждая исключает все остальные. Равным образом определенный, конкретный, полезный вид труда, содержащийся в каждом особенном товарном эквиваленте, является лишь особенной, следовательно не исчерпывающей, формой проявления человеческого труда. Правда, последний получает свою полную или исчерпывающую форму проявления в совокупности этих особенных форм проявления. Тем не менее он не обладает здесь единой формой проявления.

Впрочем, развернутая относительная форма стоимости состоит лишь из суммы простых относительных выражений стоимости, или уравнений, первой формы, например:

20 аршин холста = 1 сюртуку,

20 аршин холста = 10 ф. чаю и т.д.

Но каждое из этих уравнений содержит и тождественное с ним обратное уравнение:

1 сюртук = 20 аршинам холста,

10 ф. чаю = 20 аршинам холста и т.д.

В самом деле: если кто-нибудь обменивает свой холст на многие другие товары и, следовательно, выражает его стоимость в ряде других товаров, то многие другие товаровладельцы обязательно должны, очевидно, также обменять свои товары на холст, следовательно должны выразить стоимость своих различных товаров в одном и том же третьем товаре, в холсте. Итак, обернем ряд: 20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = и т.д., т.е. выразим лишь то обратное отношение, которое по существу дела уже заключается в этом ряду, тогда получится:

С. ВСЕОБЩАЯ ФОРМА СТОИМОСТИ

1 сюртук =	} 20 аршинам холста
10 ф. чаю =	
40 ф. кофе =	
1 квартал пшеницы =	
2 унции золота =	
$1\frac{1}{2}$ тонны железа =	
x товара A =	
и т.д.	

1) Измененный характер формы стоимости

Теперь товары выражают свои стоимости: 1) просто, так как они выражают их в одном-единственном товаре, и 2) единообразно, так как они выражают их в одном и том же товаре. Форма их стоимости проста и обща им всем, следовательно, всеобща.

Формы I и II достигали лишь того, что стоимость данного товара выражалась как нечто отличное от его собственной потребительной стоимости, или его товарного тела.

Вновь полученная нами форма III выражает стоимости товарного мира в одном и том же выделенном из него виде товара, например в холсте, и представляет, таким образом, стоимости всех товаров через равенство их с холстом. Как нечто равное холсту, стоимость каждого товара отличается теперь не только от своей собственной потребительной стоимости, но и от всякой потребительной стоимости, и тем самым выражает собой то, что имеется общего у данного товара со всеми другими. Следовательно, только эта форма действительно устанавливает отношения между товарами как стоимостями, или заставляет их выступать по отношению друг к другу в качестве меновых стоимостей.

В форме своего равенства холсту все товары оказываются теперь не только качественно равными, т.е. стоимостями вообще, но в то же время и количественно сравнимыми величинами стоимости. Так как они отражают величины своих стоимостей в одном и том же материале — в холсте, то эти величины стоимости взаимно отражаются одна в другой. Например, 10 ф. чаю = 20 аршинам холста, и 40 ф. кофе = 20 аршинам холста. Следовательно, 10 ф. чаю = 40 ф. кофе. Или: в одном фунте кофе заключена только четвертая часть того количества субстанции стоимости, труда, которое содержится в 1 фунте чаю.

Всеобщая относительная форма стоимости товарного мира придает исключенному из этого мира товару-эквиваленту, холсту, характер всеобщего эквивалента. Его собственная натуральная форма становится образом стоимости, общим для всего товарного мира, холст приобретает способность непосредственно обмениваться на все другие товары. Его телесная форма играет роль видимого воплощения, всеобщей общественной оболочки всякого человеческого труда. Ткачество, частный труд, производящий холст, находится в то же время в форме всеобщей и общественной, в форме равенства со всеми другими видами труда. Бесчисленные уравнения, из которых состоит всеобщая форма стоимости, приравнивают труд, осуществленный в холсте, поочередно ко всем видам труда, содержащимся в каждом другом товаре, и тем самым делают ткачество всеобщей формой проявления человеческого труда вообще. Таким образом, труд, овеществленный в товарной стоимости, получает не только отрицательное выражение как труд, от которого отвлечены все конкретные формы

и полезные свойства действительных видов труда, но отчетливо выступает и его собственная положительная природа. Последняя состоит в том, что все действительные виды труда сведены к общему для них характеру человеческого труда, к затрате человеческой рабочей силы.

Всеобщая форма стоимости, которая представляет продукты труда просто в виде сгустков лишенного различий человеческого труда, самым своим построением показывает, что она есть общественное выражение товарного мира. Она раскрывает, таким образом, что в пределах этого мира всеобщее человеческий характер труда образует его специфический общественный характер.

2) Отношение между развитием относительной формы стоимости и эквивалентной формы

Степени развития относительной формы стоимости соответствует степень развития эквивалентной формы. Однако — и это важно отметить — развитие эквивалентной формы есть лишь выражение и результат развития относительной формы стоимости.

Простая, или единичная, относительная форма стоимости товара делает другой товар единичным эквивалентом. Развернутая форма относительной стоимости — это выражение стоимости товара во всех других товарах — придает последним форму разнообразных особенных эквивалентов. Наконец, один особенный вид товара получает форму всеобщего эквивалента, потому что все другие товары делают его материалом для своей единой всеобщей формы стоимости.

В той самой степени, в какой развивается форма стоимости вообще, развивается и противоположность между двумя ее полюсами — относительной формой стоимости и эквивалентной формой.

3) Переход от всеобщей формы стоимости к денежной форме

Всеобщая эквивалентная форма есть форма стоимости вообще. Следовательно, она может принадлежать любому товару. С другой стороны, какой-либо товар находится во всеобщей эквивалентной форме (форме III) лишь тогда и постольку, когда и поскольку он, как эквивалент, вытесняется всеми другими товарами из их среды. И лишь с того момента, когда такое выделение оказывается окончательным уделом одного специфического товарного вида, — лишь с этого момента единая относительная форма стоимости товарного мира приобретает объективную прочность и всеобщую общественную значимость.

Специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма, становится денежным товаром, или функционирует в качестве денег. Играть в товарном мире роль всеобщего эквивалента делается его специфической общественной функцией, а следовательно, его общественной моно-

полий. Это привилегированное место среди товаров, которые в форме II фигурировали как особенные эквиваленты холста, а в форме III все выражали свою относительную стоимость в холсте, исторически завоевал определенный товар, а именно золото. Поставим поэтому в форме III на место товара холст товар золото. Получится:

Д. ДЕНЕЖНАЯ ФОРМА

20 аршин холста =	}	2 унциям золота
1 сюртук =		
10 ф. чаю =		
40 ф. кофе =		
1 квартал пшеницы =		
$\frac{1}{2}$ тонны железа =		
x товара A =		

При переходе от формы I к форме II и от формы II к форме III имеют место существенные изменения. Напротив, форма IV отличается от формы III только тем, что теперь вместо холста формой всеобщего эквивалента обладает золото. Золото в форме IV играет ту же роль, как холст в форме III, — роль всеобщего эквивалента. Прогресс состоит лишь в том, что форма непосредственной всеобщей обмениваемости, или всеобщая эквивалентная форма, теперь окончательно срослась в силу общественной привычки с натуральной специфической формой товара золото.

Золото лишь потому противостоит другим товарам как деньги, что оно раньше уже противостояло им как товар. Подобно всем другим товарам, оно функционировало и как эквивалент — как единичный эквивалент в единичных актах обмена и как особенный эквивалент наряду с другими товарами-эквивалентами. Мало-помалу оно стало функционировать, в более или менее широких кругах, как всеобщий эквивалент. Как только оно завоевало себе монополию на это место в выражении стоимостей товарного мира, оно сделалось денежным товаром, и лишь с того момента, когда оно уже стало таким денежным товаром, форма IV начинает отличаться от формы III, другими словами — всеобщая форма стоимости превращается в денежную форму.

Простое относительное выражение стоимости товара, например холста, в товаре, уже функционирующем как денежный товар, например в золоте, есть форма цены. Следовательно, «форма цены» холста такова:

20 аршин холста = 2 унциям золота, или, если 2 ф. ст. составляют монетное название двух унций золота,

20 аршин холста = 2 фунтам стерлингов.

Трудность понятия денежной формы ограничивается трудностью понимания всеобщей эквивалентной формы, следовательно

всеобщей формы стоимости вообще, формы III. Форма III разрешается ретроспективно в форму II, в развернутую форму стоимости, а конституирующим элементом этой последней является форма I: 20 аршин холста = 1 сюртуку, или x товара $A = y$ товара B . Простая товарная форма есть поэтому зародыш денежной формы.

4) Товарный фетишизм и его тайна

На первый взгляд товар кажется очень простой и тривиальной вещью. Его анализ показывает, что это — вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений. Как потребительная стоимость, он не включает в себе ничего загадочного, будем ли мы его рассматривать с той точки зрения, что он своими свойствами удовлетворяет человеческие потребности, или с той точки зрения, что он приобретает эти свойства как продукт человеческого труда. Само собой понятно, что человек своей деятельностью изменяет формы веществ природы в полезном для него направлении. Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственносверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать^{18, 19}.

Мистический характер товара порождается, таким образом, не потребительной его стоимостью. Столь же мало порождается он содержанием определений стоимости. Потому что, во-первых, как бы различны ни были отдельные виды полезного труда, или производительной деятельности, с физиологической стороны это — функции человеческого организма, и каждая такая функция, каковы бы ни были ее содержание и ее форма, по существу есть затрата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т.д. Во-вторых, то, что лежит в основе определения величины стоимости, а именно продолжительность таких затрат, или количество труда, совершенно отчетливо отличается от качества труда. Во всяком обществе то рабочее время, которого стоит производство жизненных средств, должно было интересоваться людей, хотя и не в одинаковой степени на разных ступенях развития. Наконец, раз люди так или иначе работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму.

¹⁸ Напомним, что Китай и столы начали танцевать — pour encourager les autres [для ободрения других] — как раз в такое время, когда весь остальной мир казался находящимся в полном покое.

¹⁹ *Примечание к 2 изданию.* У древних германцев величина моргена земли измерялась трудом одного дня; отсюда названия моргена: Tagwerk (или Tagwanne) (jurnale или jurnalis, terra jurnalis, jornalis или diurnalis), Mannwerk, Mannskraft, Mannsmaad, Mannshauet и т.д. См. *Georg Ludwig von Maurer. «Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, u. s. w. Verfassung».* Munchen, 1854, S. 129 sq.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«КАПИТАЛ» КАК КАПИТАЛЬНЫЙ НЕСТАРЕЮЩИЙ ТРУД.

Размышления о творении К. Маркса 5

КНИГА ПЕРВАЯ. ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА.... 23

Отдел первый. Товар и деньги23

Глава первая. Товар.....23

Глава вторая. Процесс обмена50

Глава третья. Деньги, или обращение товаров56

Отдел второй. Превращение денег в капитал76

Глава четвертая. Превращение денег в капитал76

Отдел третий. Производство абсолютной

прибавочной стоимости91

Глава пятая. Процесс труда
и процесс увеличения стоимости91

Глава шестая. Постоянный капитал и переменный капитал.. 101

Глава седьмая. норма прибавочной стоимости 106

Глава восьмая. Рабочий день 109

Глава девятая. Норма и масса прибавочной стоимости..... 111

Отдел четвертый. Производство относительной

прибавочной стоимости 112

Глава десятая. Понятие относительной прибавочной
стоимости 112

Глава одиннадцатая. Кооперация 116

Глава двенадцатая. Разделение труда и мануфактура 118

Глава тринадцатая. Машины и крупная промышленность.... 132

Отдел пятый. Производство абсолютной

и относительной прибавочной стоимости 166

Глава четырнадцатая. Абсолютная
и относительная прибавочная стоимость 166

Глава пятнадцатая. Изменение в величине цены
рабочей силы и прибавочной стоимости 171

Отдел шестой. Заработная плата	179
Глава семнадцатая. Превращение стоимости, соответственно и цены, рабочей силы в заработную плату	179
Глава восемнадцатая. Повременная заработная плата	186
Глава девятнадцатая. Поштучная заработная плата	188
Глава двадцатая. Национальные различия в заработной плате	190
Отдел седьмой. Процесс накопления капитала	192
Глава двадцать первая. Простое воспроизводство.....	193
Глава двадцать вторая. Превращение прибавочной стоимости в капитал	202
Глава двадцать третья. Всеобщий закон капиталистического накопления	219
Глава двадцать четвертая. Так называемое первоначальное накопление	244
Глава двадцать пятая. Современная теория колонизации	288
 КНИГА ВТОРАЯ. ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА.....	291
Отдел первый. Метаморфозы капитала и их кругооборот	291
Глава первая. Кругооборот денежного капитала	291
Глава вторая. Кругооборот производительного капитала.....	324
Глава третья. Кругооборот товарного капитала.....	347
Глава пятая. Время обращения	360
Глава шестая. Издержки обращения	367
Отдел второй. Оборот капитала	382
Глава седьмая. Время оборота и число оборотов	382
Глава восьмая. Основной капитал и оборотный капитал.....	384
Глава девятая. Общий оборот авансированного капитала	401
Глава двенадцатая. Рабочий период	405
Глава тринадцатая.Время производства	409
Глава четырнадцатая. Время обращения	412
Глава пятнадцатая. Влияние времени оборота на величину авансируемого капитала	417
Глава шестнадцатая. Оборот переменного капитала.....	429
Глава семнадцатая. Обращение прибавочной стоимости.....	443

Отдел третий. Воспроизводство и обращение всего общественного капитала.....	472
Глава восемнадцатая. Введение.....	472
Глава девятнадцатая. Прежние представления о предмете ...	480
Глава двадцатая. Простое воспроизводство	514
Глава двадцать первая. Накопление и расширенное воспроизводство	590
 КНИГА ТРЕТЬЯ. ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ	626
Отдел первый. Превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли	626
Глава первая. Издержки производства и прибыль	626
Глава вторая. Норма прибыли.....	639
Глава третья. Отношение нормы прибыли к норме прибавочной стоимости	647
Отдел второй. Превращение прибыли в среднюю прибыль	657
Глава восьмая. Различное строение капиталов в разных отраслях производства и вытекающие отсюда различия в нормах прибыли	657
Глава девятая. Образование общей нормы прибыли (средней нормы прибыли) и превращение стоимости товаров в цену производства	669
Глава десятая. Выравнивание общей нормы прибыли посредством конкуренции. Рыночные цены и рыночные стоимости. Добавочная прибыль.....	686
Отдел третий. Закон тенденции нормы прибыли к понижению.....	713
Глава тринадцатая. Закон как таковой	713
Глава четырнадцатая. Противодействующие причины	733
Отдел пятый. Деление прибыли на процент и предпринимательский доход. Капитал, приносящий проценты.....	742
Глава двадцать первая. Капитал, приносящий проценты	742
Глава двадцать вторая. Деление прибыли. Ставка процента. «Естественная» норма процента.....	761

Глава двадцать третья. Процент и предпринимательский доход	772
Глава двадцать четвертая. Выделение капиталистического отношения в форме капитала, приносящего проценты.....	790
Глава двадцать пятая. Кредит и фиктивный капитал	795
Глава двадцать седьмая. Роль кредита в капиталистическом производстве.....	796
Отдел пятый. Деление прибыли на процент и предприниматель- ский доход. Капитал, приносящий проценты (продолжение).....	803
Глава двадцать девятая. Составные части банковского капитала	803
Глава тридцать восьмая. Дифференциальная рента. Общие замечания.....	810
Глава тридцать девятая. Первая форма дифференциальной ренты (Дифференциальная рента I)	819
Глава сороковая. Вторая форма дифференциальной ренты (дифференциальная рента II). Общие замечания.....	842
Глава сорок пятая. Абсолютная земельная рента	853
Глава сорок шестая. Рента за строительные участки. Рента с рудников. Цена земли	878
Отдел седьмой. Доходы и их источники	886
Глава сорок восьмая. Триединая формула	886
Глава сорок девятая. К анализу процесса производства	904
Глава пятидесятая. Видимость, создаваемая конкуренцией..	923
Глава пятьдесят первая. Отношения распределения и производственные отношения	947